

Кипарисов В. Ф. Митрополит Московский Макарий (Булгаков), как проповедник // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 61–101 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ) какъ проповѣдникъ.

IV.

Современность проповѣди Макарія.—Понятія о современности проповѣди, обращавшіяся во времена Макарія.—Въ какомъ смыслѣ была современна его проповѣдь.—Отношеніе его проповѣди къ важнѣйшимъ вопросамъ церковно-общественной жизни:—къ народному просвѣщенію, къ наукамъ вообще и къ богословской въ частности, къ реформамъ шестидесятихъ годовъ.—Почему Макарій не былъ пессимистомъ.—Макарій какъ полемистъ въ проповѣдяхъ.—Свойства его полемическихъ приѣмовъ.—Его теоретическія воззрѣнія на полемику въ богословскихъ вопросахъ.—Различеніе вопросовъ вѣры отъ вопросовъ богословской науки.—„Христіанинъ подчиняетъ свой умъ вѣрѣ, но не подавляетъ его въ себѣ“.—Правъ ли былъ Макарій въ своихъ понятіяхъ о полемическомъ элементѣ въ проповѣди и о богословской полемикѣ вообще.

Съ половины пятидесятихъ годовъ, какъ мы замѣчали, направленіе проповѣдничества Макарія можно считать окончательно сложившимся ⁷⁰⁾, и съ этого времени Макарій въ проповѣдяхъ своихъ по преимуществу сталъ являться, такъ сказать, самимъ собою, т. е. въ его проповѣдяхъ стали обозначаться съ полною ясностію присущія ему какъ проповѣднику свойства и наклонности. Ближайшимъ образомъ

⁷⁰⁾ Забываютъ, что этотъ періодъ былъ началомъ новаго направленія въ проповѣдничествѣ другаго изъ нашихъ проповѣдниковъ, издававшагося если не количественно, то качественно: разумѣемъ преосв. Іоанна Соколова. Хотя у этого проповѣдника разность между двумя періодами болѣе замѣтна, чѣмъ у Макарія, но направленіе, принятое имъ тоже съ половины пятидесятихъ годовъ, при громаднѣхъ различіяхъ въ другихъ сторонахъ проповѣдничества, наиримѣръ, мягкость одного и суровость другаго, имѣло и нѣчто общее съ направленіемъ проповѣдничества Макарія.

свойства Макарія какъ проповѣдника, конечно, являются въ свойствахъ содержанія его проповѣди. Характерныя черты этого содержанія и составятъ предметъ послѣдующей нашей рѣчи.

Прежде всего проповѣдь Макарія по содержанію своему была *современна*. „Современность проповѣди“! Должно сознаться, что понятіе „современности“ въ приложеніи къ проповѣди стало однимъ изъ тѣхъ понятій, которыми нерѣдко злоупотребляютъ. Но съ другой стороны, и помимо всякаго злоупотребленія, законно можетъ быть возбуждаемъ такой вопросъ: чѣмъ можетъ быть такъ называемая современность проповѣди, когда истины христіанства какъ предметъ проповѣди—вѣчны, неизмѣнны, а понятіе современности, наоборотъ, предполагаетъ измѣнчивость, сопутствующую всему временному? Что понятіемъ этимъ стали злоупотреблять, это я думаю видѣть въ томъ, что иногда въ проповѣди замѣчаются такія усилія говорить о такъ называемыхъ злобахъ дня, что представляется, какъ будто бы проповѣднику и говорить больше не о чемъ какъ только объ этихъ злобахъ,—что истины христіанскія теоретическія и практическія, все это—такое дѣло, которое не требуетъ надъ собою работы проповѣдника, а главное—какъ будто бы онѣ составляютъ нѣчто второстепенное для *современнаго* общества, а первостепенное именно эти злобы дня. Спускается „современная“ проповѣдь иногда и еще ступеню ниже въ своемъ достоинствѣ: можно встрѣчать проповѣди, въ которыхъ ораторы какъ будто остерегаются говорить о такихъ предметахъ, какъ адъ, вѣчныя наказанія,—какъ будто бы угрозы человѣчеству адомъ и поощреніе общаніемъ райа есть дѣло лишнее: нужно, говорятъ, воздѣйствовать на совѣсть, а не устрашать! И отсюда—какъ бы пенальтенное изгнаніе всѣхъ этихъ страшныхъ и

Это выразилось въ стремленіи считаться съ вопросами жизни дѣйствительной, а не одной умозерцательной. Черта эта, общая обоимъ проповѣдникамъ, можетъ быть, состоятъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что съ этого времени наступило время для церковной катедры болѣе благопріятное оттого, что и вся наша дѣйствительная жизнь со всѣми ея недостатками стала доступна гласной критикѣ и анализу. Тѣмъ естественнѣе было то, что катедра церковная стала позволять себѣ открыто считаться съ нравственными недугами жизни.

старыхъ словъ: лучше говорить о прогрессѣ и цивилизаціи! Замѣчалось это, конечно, не у насъ однихъ: съ извѣстнаго времени тоже замѣчалось и въ другихъ странахъ ⁷¹⁾). У насъ рѣчи о современности и заботы о таковой во всемъ, что касается церковной жизни, особенно усилились съ начала шестидесятыхъ годовъ. Особенно заслуживаетъ упоминанія попытка рѣшить этотъ вопросъ со всею независимостію отъ унаслѣдованныхъ предубѣжденій, попытка одного глубоко-религіознаго, глубоко-симпатичнаго, но въ то-же время глубоко-несчастнаго по своей судьбѣ человѣка: разумѣемъ архимандрита Θεодора Бухарева, который въ рядѣ своихъ сочиненій прямо приглашалъ своихъ современниковъ не чуждаться современности, не подходить къ ней съ какой либо условной мѣркой, но попытаться все въ современномъ мірѣ возвысить до той степени, чтобы всѣ стороны современной христіанской жизни могли *достойно* именоваться христіанскими ⁷²⁾). Этотъ, теперь нѣсколько забытый, авторъ указывалъ положенія, которыя многимъ покажутся недолженствующими быть забытыми. Именно, онъ

⁷¹⁾ Въ началѣ пятидесятихъ годовъ патеръ Вентура въ Парижѣ, въ праздникъ воскресенія Христова говорилъ проповѣдь, пользуясь симъ случаемъ, о воскресеніи наполеоновской династіи.—Замѣчательно, что и на западѣ, какъ у насъ, „несовременность“ проповѣди ставили въ связь съ недостатками будто бы образованія въ кандидатахъ на священство, которое не даетъ имъ, будто бы даже возможности понимать нужды времени. Вотъ что замѣчалъ объ этомъ аббатъ *Морель*, въ началѣ шестидесятихъ годовъ: „говорять, что церковное обученіе не состоитъ ни въ согласіи съ нуждами вѣка, ни на высотѣ науки нашего времени, и что нужно переустроить образованіе семинарское. Эти жалобы и эти хулы, продолжаетъ аббатъ Морель, исходятъ или отъ явныхъ враговъ церкви, или же отъ невѣжественныхъ и неблагообразныхъ друзей ея“. Но и тѣ и другіе, по мнѣнію автора, упускаютъ изъ виду одно: „священники не посланы для того, чтобы вести диспуты со всѣми учеными міра по всѣмъ наукамъ; но чтобы вести одинаково какъ ученыхъ, такъ и не ученыхъ, къ познанію спасенія, вести не блестящимъ путемъ знанія (науки), но путемъ добродѣтели, молитвы и Слова Божія“. И этой мысли, по мнѣнію почтенаго аббата, можно держаться совѣмъ безъ того, чтобы „запереть ворота семинаріи для всякой науки“. См. *Migne, Nouv. Encyclop. Theolog. t. VI, col. 1272--4, Paris, 1861.*

⁷²⁾ Его книга: о православіи въ отношеніи къ современности“, СПб., 1860. Теперь уже забыты нападки на это сочиненіе со стороны мнимаго реввителя православія—журнала „Домашняя Бесѣда“.

утверждалъ, что „въ наше время (конецъ пятидесятихъ годовъ) вѣрующимъ должно стоять въ особомъ, свойственномъ особымъ нуждамъ нашего времени, отношеніи къ истинѣ Христовой, чтобы находить въ ней свѣтъ и жизнь для всѣхъ потребностей и противъ всѣхъ опасностей“ ⁷³⁾. Невниманію къ современнымъ нуждамъ религіознымъ, по мысли этого писателя, осуждено Самимъ Господомъ: уже „Господь упрекалъ учителей іудейскихъ за невнимательность къ современнымъ нуждамъ и опасностямъ по отношенію къ вѣрѣ“ ⁷⁴⁾. На основаніи этого почтенный авторъ считалъ правомъ церкви правящей и, слѣдов., правомъ церкви учащей, въ функціяхъ ея учительства (конечно, по нераздѣльности обоихъ полномочій, управленія и учительства) касаться области такой, какой по традиціи обыкновенно не касались. „Въ правѣ ли мы, служители церкви (спрашивалъ онъ) касаться дѣлъ и вопросовъ мірскихъ, каковы политическіе?“ Отвѣтъ: „истинный духъ Христа Вседержителя Бога и вмѣстѣ Агнца Божія простирается своимъ благодатно властительнымъ вліяніемъ на все, и у истинныхъ христіанъ принимается за начало во всемъ и для всего, не исключая и дѣлъ политики. Служить сему мы и призваны и обязаны самою благодатію священства“ ⁷⁵⁾. Въ историческомъ отношеніи воззрѣніи арх. Θεодора такъ любопытны, что могли бы составить предметъ особаго изученія. Для насъ же этотъ фактъ важенъ, какъ служащій представителемъ одного изъ воззрѣній въ эпоху наиболѣе зрѣлой дѣятельности Макарія. Изъ другихъ современниковъ Макарія находимъ мысли о томъ же предметѣ у преосв. Іоанна Соколова. Въ своей рѣчи предъ нареченіемъ во епископа, „не радостно“ опредѣливъ состояніе нашихъ дѣлъ, онъ, нельзя этого не видѣть, выражаетъ упрекъ учительной дѣятельности церкви русской въ *несовременности*. На вопросъ: „что дѣлать, въ особенности молодымъ дѣятелямъ, къ которымъ Церковь преимущественно обращаетъ свои надежды“, онъ отвѣчаетъ: „свѣтитъ свѣтомъ Христовой истины, проводя ее въ народъ въ ея живомъ, дѣйстви-

⁷³⁾ Указ. сочин. стр. 52.

⁷⁴⁾ Ibid. стр. 51.

⁷⁵⁾ Ibid. стр. 327.

номъ духѣ, въ кроткихъ и сильныхъ чертахъ Евангелія, а не въ однихъ общихъ чертахъ отвлеченныхъ поученій, или въ неясныхъ, безжизненныхъ образахъ школьной науки, зорко слѣдить и свѣтомъ церковной идеи и науки освѣщать *вопросы времени*, касающіеся вѣры“: выводъ ясенъ!⁷⁶⁾ Подобные же взгляды на современность проповѣди встрѣчаются и въ наше время. „Наша обязанность, говорилъ недавно одинъ изъ извѣстныхъ проповѣдниковъ, слѣдить за всѣми новыми движеніями мысли въ христіанскомъ обществѣ“. Такъ утверждали одни. Но съ издавна и опять до новыхъ временъ были проповѣдники и не очень охотно допускавшіе необходимость вникать въ то, что дѣлается современниками и силу проповѣди какъ разъ полагавшіе въ вѣчномъ, неизмѣнномъ элементѣ проповѣди — въ занятіи на церковной кафедрѣ Св. Писаніемъ. Такъ отчасти и Златоустъ полагалъ, что „вообще всякое изъясненіе Писанія (въ проповѣди) доставляетъ утѣшеніе и ободреніе“, т. е. полезно для современныхъ потребностей многоразличнаго рода⁷⁷⁾: стало быть это и будетъ достаточной замѣной трактатовъ о злобѣ дня. — Характерны (и практически полезны) сужденія митр. Филарета по этому вопросу, какъ опредѣляющія значеніе крайнихъ въ ту и другую сторону мнѣній, т. е. и отрицающихъ пужду современности, и проповѣдь, достойную своего имени, признающихъ только въ „современной“ проповѣди. Извѣстно, что такъ называемая современность въ проповѣди доходитъ до того, что нравы *современнаго* общества освѣщаются очень прозрачно въ цѣляхъ обличенія. Вотъ о такой современности митр. Филаретъ, по своему обычаю въ возможно умѣренныхъ выраженіяхъ, однажды замѣтилъ, что такое проповѣдничество, гдѣ бы оно не встрѣчалось, „не должно быть превозносимо“, ибо „проповѣдь, похожая на сатиру, едва ли можетъ принести духовную пользу, и потому лучше не превозносить ея, и не привлекать молодыхъ проповѣдниковъ на сомнительный путь“ такого проповѣдничества⁷⁸⁾. Но по другому

⁷⁶⁾ Въ изданіи Погодина: пастырство и архидаптрство, стр. 195—196. Нѣсколько сходна мысль и въ Прав. Собесѣдн. 1859, 1 стр. 102, гдѣ выражается сущность ученія съ кафедры.

⁷⁷⁾ Бесѣды къ Апт. нар. русск. перев. ч. 1. стр. 345.

⁷⁸⁾ Одно изъ замѣчаній Филарета на Исторію синодальнаго управленія Филарета Гумилевскаго. Рѣчь идетъ о проповѣди арх. Амвросія Протасова.

поводу Филаретъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „воевать (т. е. полемизировать въ проповѣди) надобно противъ мыслей неправославныхъ и безирравственныхъ, а не противъ *современныхъ*“, т. е. изъ того, что это мысль „нашего времени“, не слѣдуетъ, что ее непременно нужно стараться изгнать изъ обращенія! Наконецъ этотъ краткій очеркъ воззрѣній на вопросъ о современности въ проповѣди заключимъ припоминаніемъ того, что тридцать лѣтъ назадъ говорилось въ стѣнахъ Московской Академіи. Въ бесѣдѣ со студентами 1862 года А. В. Горскій, говори о необходимости сближенія съ ними въ духѣ и направленіи, сказалъ: „только это (сближеніе) можетъ намъ облегчить уснѣхъ въ дѣйствованіи... Безъ этого мы весьма легко сливаемся съ общимъ мірскимъ духомъ. Въ вещахъ безразличныхъ не нужно оступать отъ общепринятыхъ правилъ. Но какъ скоро требованіе вѣка не слѣдуетъ тѣмъ началамъ духовной жизни, которыя мы должны проводить въ общество и отстаивать: то мы должны помнить, что намъ сказано: не сообразуйтесь вѣку сему“⁷⁹). — Теперь, въ чемъ же заключалась современность проповѣди Макарія? Въ желаніи ли отвѣчать съ кафедръ на всѣ современные ему потребности въ области религіозной? Въ стремленіи ли рѣшать на кафедрѣ и куда слѣдуетъ направлять вопросы мірскіе (какъ это ставилъ напрямикъ Θεодоръ

⁷⁹) Дневникъ, Прибавл. къ Твор. св. отцевъ, ч. 35, стр. 233. Или еще одно указаніе на то, что разумѣлось у насъ подъ именемъ современности въ проповѣди. А. В. Горскій находилъ одну изъ проповѣдей своего друга преосв. Филарета Гумилевскаго „несовременной“. Въ чемъ была эта „несовременность“? Повидимому въ томъ, что проповѣдникъ или обличалъ или полемизировалъ съ направленіемъ, *весьма слабо* проявляющимся въ нашемъ обществѣ: „нынѣ этого нѣтъ“, замѣчалъ ему А. В. Горскій. Филаретъ, напротивъ, оправдывается тѣмъ, что „по книгамъ это такъ, но не такъ въ жизни общественной: „за слово, которое вамъ кажется *не современнымъ*, меня благодарили, какъ за дорогое лекарство душевныхъ болѣзней *сущестующихъ*“ (см. письма къ А. В. Горскому, № 115). Значитъ, наши знаменитые ученые оба были согласны въ томъ, что признакъ *современности* проповѣди прежде всего въ томъ, что она — не внѣ пространства и времени, не внѣ исторіи, т. е. не безъ всякаго отношенія къ ней, — и несогласіе, очевидно, было только относительно факта (данной проповѣди), а не самаго пониманія того, что должно разумѣть подъ именемъ современности проповѣди.

Бухаревъ), вопросы времени (пр. Іоаннъ), или, наконецъ, его проповѣдь отвѣчала тому попятію о современности, которое обычно выражается въ проповѣди бичующей современные недостатки, была похожа на сатиру, которая была такъ распространена въ шестидесятыхъ годахъ, сэповскимъ языкомъ говоря о томъ, что не только было современно, но и всѣмъ поименно извѣстно, потому что иногда не много не доставало уже для точныхъ датъ времени и мѣста? Нѣтъ: проповѣдь Макарія была современна въ наиболѣе правильномъ смыслѣ этого слова. И оттого-то, замѣтимъ здѣсь, что Макарій воевалъ не противъ *современныхъ* мыслей, а противъ *нехристіанскихъ* мыслей, а съ другой стороны—въ погонѣ за современностію не сообразовался вѣку сему, онъ былъ во все время всегда самъ себѣ равенъ: переживалъ эпохи времени не сходныя, даже взаимно себя отрицающія, и все таки никогда не поправлялъ, такъ сказать, самъ себя, и на склонѣ дней своихъ иногда лишь развивалъ, а не отрицалъ то, чему сочувствовалъ въ молодыхъ лѣтахъ (примѣры чего мы намѣчали). Защищалъ же онъ, напримѣръ, богословское образованіе и тогда, когда объ этомъ не всѣ еще согласно думали, равно и тогда, когда всѣ въ этомъ почти что убѣдились! ⁸⁰⁾ Въ свое время, именно въ некрологическихъ воспоминаніяхъ, проповѣдь Макарія съ этой стороны характеризовалась,

⁸⁰⁾ Можно сказать: этотъ предметъ совсѣмъ не таковъ, чтобы стоило здѣсь отмѣчать его. Но замѣчательно, что за мысль объ образованіи воевалъ не одинъ Макарій, а и другіе, напримѣръ, тотъ же Филаретъ Гумилевскій въ мѣтимной перепискѣ въ началѣ пятидесятихъ годовъ. „Много есть людей худыхъ и не отъ книгъ“; „худыя мысли зависяютъ не отъ однихъ книгъ, а онѣ живутъ въ сердцахъ“ и т. п. (ibid.): значить была достаточная потребность въ защитѣ и этой не оригинальной мысли. Отъ Иннокентія также сохранилась замѣтка, съ перваго взгляда могущая представиться странной по ея наивности, но очевидно—теряющая свою странность, если и другіе считали благопотребнымъ размысленіе о томъ же. Это замѣчаніе № 81, въ сочинен. изд. Вольфа, т. VII, 271, въ край *защищается чтеніе книгъ*—примѣромъ Апостола Павла. Приведемъ заключеніе этой замѣтки: „для насъ довольно здѣсь замѣтить, что такое вниманіе на книги обращаетъ самъ апостоль Павелъ (2 Тим. IV. 13). Для чего довольно? Дабы показать, что чтеніе—не грѣхъ, что занятіе полезными книгами не противно даже апостольскому достоинству, что обхожденіе съ ними мертвыми наставниками не казалось бесполезнымъ даже для того, кто самъ былъ живымъ наставникомъ для всей вселенной. Довольно сего“.

какъ „имѣвшая близость къ современнымъ нуждамъ“. Но мы уже упоминали, что даже и въ теоріи Макарій не признавалъ возможности универсальной проповѣди для всѣхъ временъ и мѣстъ: она по его мысли существуетъ для даннаго момента и мѣста. Поэтому должно признать, что проповѣдь Макарія современна уже потому, что лишь небольшая часть изъ его проповѣдей годна для всякаго мѣста и времени и не имѣетъ печати своего происхожденія и назначенія. Противное должно сказать только о нѣкоторыхъ проповѣдяхъ того же времени, которое мы выдѣляли и по другой причинѣ, — именно о періодѣ первой его молодости и служебной зависимости. Съ другой стороны, современны его проповѣди потому, что расположенныя въ порядкѣ времени онѣ даютъ какъ бы хронологію важнѣйшихъ вопросовъ, выступавшихъ въ нашей церковно-общественной жизни, и вопросовъ этихъ онѣ касается иногда даже и въ проповѣдяхъ рядовыхъ. Но при этомъ становится очевидной и одна важная особенность Макарія: не *важнѣйшіе* только вопросы привлекали вниманіе проповѣдника: наоборотъ, не было такого маленькаго дѣла, которое, если оно совершается предъ его глазами, почтено было бы слишкомъ малымъ, чтобы онъ (при малѣйшей къ тому возможности и разумѣется при томъ условіи, если это не какое нибудь дѣло плоти, ѣды и питья!) призналъ ниже своего церковнаго положенія выступить по этому дѣлу съ своимъ словомъ, которое, конечно, имѣло священныи авторитетъ первостоятеля церкви помѣстной. Что нужно говорить проповѣдь о голодѣ во время голода — конечно, это будетъ идея, не составляющая результата особой вдумчивости: само дѣло взывать о вниманіи къ себѣ. Но велико ли, напримѣръ, то дѣло, что нѣсколько дѣвицъ духовнаго званія оставляютъ свое скромное училище, идутъ въ свои скромные дома помогать своимъ родителямъ въ занятіяхъ столь же скромныхъ, что кажется ни въ какія дальнорзительныя стекла не отыщешь связи между этими занятіями и великимъ назначеніемъ человѣка ⁸¹⁾, — между этими занятіями и между внутреннимъ человѣкомъ, непрерывно

⁸¹⁾ У Макарія, повидимому, были свои понятія о великомъ и маломъ, важномъ и не важномъ.

совершенствующимся? Но такъ какъ учебное заведеніе въ этотъ день выпускало, судя по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, будущихъ матерей будущихъ служителей алтаря: то для Макаріяэтотъ случай становится не совсѣмъ ничтожнымъ случаемъ онъ выступаетъ съ своимъ словомъ къ тѣмъ, и за коихъ, по его словамъ, только что принесъ безкровную жертву. Доказательствомъ того, что подобная проповѣдь не была случайностью или обычною принадлежностію праздника, видѣть должно въ томъ, что Макарій выступалъ съ такимъ словомъ не одинъ разъ (всѣхъ словъ по этому случаю шесть—напоминаемъ опять о сравнительно маломъ количествѣ его всѣхъ проповѣдей), и только развѣ ради остроумія можно находить эту заботливость не оставлять такого будто бы маловажнаго случая безъ слова назиданія слишкомъ уже чрезмѣрной. И какая важность мысли встрѣчается въ подобныхъ проповѣдяхъ по совсѣмъ неважнымъ случаямъ,—мысли, которая могла быть полезна не только для тѣхъ, къ кому слово было обращено, но и для многихъ другихъ, кто о семъ и не помышлялъ бы! Вотъ, напримѣръ, мысль проповѣди въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, сказанной въ харьковскомъ епархіальномъ училищѣ. Тогда начали говорить уже о народѣ, его образованіи—съ одной стороны, а съ другой—о средствахъ привести въ исполненіе эту благую мысль. И вотъ Макарій, любя народъ болѣе, чѣмъ такъ называемые народолюбцы, и въ то же время будучи совершенно чужды какого нибудь сословнаго эгоизма, нацутствуетъ „будущихъ подругъ смиренныхъ и бѣдныхъ служителей церкви“ призывомъ послужить народу, но въ то же время—„прогнать отъ себя самую мысль о томъ, что вы по своему образованію заслуживали бы лучшей участи“, чѣмъ какою, по обычаямъ свѣта, представляется участь человѣка, обреченнаго на трудъ безъ щедраго воздаянія за трудъ. Сурово это слово: оно какъ будто бы обращено не къ будущимъ подругамъ жизни пастырей, а къ отказавшимся отъ своей воли миссіонерамъ. Но вѣдь, говорилъ проповѣдникъ, „вамъ внушали здѣсь, что вы должны любить всѣхъ ближнихъ безъ различія, какъ братій (по природѣ, въ особенности во Христѣ... Ближніе, среди которыхъ вамъ придется проводить жизнь, будутъ почти исключительно поселяне, люди простые, малограмотные или вовсе

безграмотные, люди съ недостатками и немощами... Докажите же на дѣлѣ, что ваше сердце исполнено христіанской любовью и способно любить равно и этихъ меньшихъ братій нашихъ по образованію и положенію въ обществѣ; не пренебрегайте ими, снисходите ихъ слабостямъ, старайтесь возвышать ихъ до себя и помогать имъ, чѣмъ только можете—совѣтами, убѣжденіями, *обученіемъ грамотъ ихъ малолѣтнихъ дѣтей*, если представится возможность“ и т. д. ⁸²). Едва ли можно утверждать, что этотъ призывъ къ культурно-христіанской миссиі среди народа былъ празднымъ словомъ, а не указаніемъ того, что по времени было нужно, настойчиво нужно для народа, а сверхъ того должно прибавить, что такое слово было не только современнымъ, но и проицающимъ въ будущее: извѣстно, какую культурную силу въ послѣдствіи стала представлять собою для народа женская половина семей духовенства въ видѣ учительницъ сельскихъ и городскихъ ⁸³). Другой примѣръ того, какъ проповѣдникъ не только отмѣчаетъ своимъ словомъ современныя событія, но и въ обычныхъ обстоятельствахъ указываетъ черты, на которыя современники должны обратить вниманіе, представляя собою хотя бы рѣчь при освященіи храма въ тюрьмѣ. Дѣло это, конечно, совсѣмъ обычное. Но мысль очень краткой рѣчи не совсѣмъ обычна, ибо она—златоустовская. Тюрьма для осужденныхъ есть, конечно, мѣстожительство не той части

⁸²) Слова, стр. 516.

⁸³) Въ содержаніи другихъ проповѣдей, произнесенныхъ по тому же поводу, въ одной онѣ развиваетъ мысль, что въ жизни, за стѣнами школы, только вѣра, надежда и любовь дадутъ собою надежное руководство для юныхъ питомцевъ: все прочее „часто не въ состояніи будетъ помочь“ въ морѣ житейскомъ (Слова вилен., стр. 20). Другая приблизительно заключаетъ въ себѣ ту же главную идею, что „въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни“ естественные руководители человѣка—собственный разумъ и ближніе часто бываютъ ничтожны безъ руководства благодатнаго (ibid. 71). Какъ бы предпосылкой этихъ проповѣдей служить положеніе, что если мы родимся, то для того, чтобы не только жить, но и дѣйствовать (ibid. стр. 23). Словомъ, всѣ проповѣди этого рода явно носятъ въ себѣ свидѣтельство того, что онѣ имѣютъ слушателями людей, такъ сказать, дѣйствительныхъ, а не абстрактныхъ,—съ точнымъ будущимъ кругомъ жизни и отношеній,—съ яснымъ сознаніемъ со стороны проповѣдника того, что предлагать этимъ слушателямъ возможно, а что и имѣть!

человѣчества, которая сіяетъ добродѣтелями. Но напомнимъ, что послѣ того, какъ появленіе Судебныхъ Уставовъ императора Александра сдѣлало эпоху въ исторіи человѣчества, появилось нѣчто, за что можетъ быть инымъ должно бы быть стыдно: разумѣемъ опять не язвительныя нападки на судъ улицы: это еще ничего бы,—вѣдь никакое человѣческое произведеніе не совершенно, а на самыя основы суда, которыми, какъ извѣстно, послужила „правда и милость“. Для нѣкоторыхъ вдругъ стало ясно, что состраданіе къ преступному есть уже сочувствіе его преступленію; и дошло бы до того, что калачъ въ родительскую субботу поданный въ острогъ, есть поощреніе къ преступленію. По крайней мѣрѣ, не очень давно самымъ серьезнымъ образомъ вопросъ объ уголовныхъ наказаніяхъ одна газета порѣшила самымъ несложнымъ образомъ: стоитъ ли разсуждать о томъ, долженъ ли прожить одинъ изъ негодяевъ нѣсколько лѣтъ болѣе или менѣе, и не всё ли равно, если онъ сейчасъ же перестанетъ жить, какъ скоро совершить свое позорное дѣло? Вотъ въ такую пору и сказана была маленькая рѣчь при освященіи храма въ пересыльной тюрьмѣ. „Хвалится милость на судъ“—началь проповѣдникъ словомъ Апостола. „Но не менѣе, если даже не болѣе достойна хвалы милость и *посль суда*, милость къ тѣмъ, которые при всей возможной на судъ милости, не могли быть оправданы, а осуждены по закону правды“, и эта милость — въ созданіи храма для потребностей осужденныхъ, ибо въ немъ несчастные преступники „могутъ найти для себя все, чего мы можемъ пожелать имъ по чувству человѣколюбія, во имя человѣчности и христіанства“! Но нѣтъ надежды, чтобы имъ *всѣмъ* пошло это на пользу? Вотъ здѣсь-то Макарій и напомнилъ обществу христіанскому, подобно какъ напоминалъ объ этомъ Злотоустъ, что значить *личность* въ христіанствѣ, *человѣкъ*, хотя и осужденный, всякое вниманіе къ которому стало дѣлаться болѣе и болѣе предметомъ поживаній. „Пусть не всѣ они воспользуются предлагаемою имъ милостію: довольно, если воспользуются хоть нѣкоторые изъ нихъ, хоть немногіе; *довольно, если воспользуется ею вполне даже одинъ изъ нихъ*: и это будетъ великимъ приобрѣтеніемъ и заслугою (храмоздателей) предъ Богомъ: *потому что душа и одного*

человѣка, разумная и богоподобная, дороже всего вещественнаго міра: и за нее пролита безцѣнная кровь Искупителя“⁸⁴⁾). Но изъ чего же выходятъ въ своихъ положеніяхъ и Судебные Уставы, какъ не изъ того же, что душа человѣческая—вещь дорогая и потому съ нею надобно обращаться осторожно?

Такую связь между потребностями дѣйствительными и многими мыслями проповѣдей Макарія, или по крайней мѣрѣ между его отдѣльными замѣчаніями и нравственными направленіями времени можно усматривать во многихъ другихъ случаяхъ его проповѣдничества. Является ли онъ въ своей проповѣди защитникомъ вѣры какъ увѣренности, вѣры убѣжденной, разумѣвающей, и посему—и защитникомъ вѣдѣнія въ вѣрѣ, а стало быть, въ свою очередь, и защитникомъ науки боговѣдѣнія: это будетъ не совсѣмъ самоизмышленной темой. Конечно, по выраженію Макарія же, „христіанство не есть только ученіе (доктрипа), а есть вмѣстѣ и сила, и жизнь: всякъ, вѣрующій во Христа, можетъ дѣйствительно очищаться отъ грѣховъ и перерождаться“, а не слышать только ученіе о возрожденіи⁸⁵⁾, и вообще „мало *знать* только нравственные законы: намъ нужны еще силы творить добро“⁸⁶⁾). Но въ то же время умозрительное, познавательное отношеніе къ Богу, какъ предмету вѣры, есть обязанность христіанина: „да познаемъ Бога истиннаго: къ этому должны стремиться всѣ христіане“, и эту мысль Макарій защищалъ настойчиво, со всѣми ея выводами, ближайшимъ изъ которыхъ, конечно, будетъ нужда въ богословской наукѣ, такъ какъ сектаторская мысль о непосредственномъ озареніи есть мысль дерзкая и пагубная. Если скажутъ, что этой наукой, притязующей на вѣдѣніе вещей божественныхъ, много злоупотребляли: то Макарій отвѣчалъ и на это такимъ образомъ: „что чище и истиннѣе нашей св. Библии? А между тѣмъ не было и нѣтъ въ мірѣ христіанскомъ ни одной ереси, самой злой и богопротивной, послѣдователи которой не старались бы утвердить ее на тѣхъ или другихъ

⁸⁴⁾ Слова москов. стр. 59. 62.

⁸⁵⁾ Слова, стр. 601.

⁸⁶⁾ Ibid. стр. 632.

мѣстахъ Св. Писанія: ужели же изъ-за того, чтобы не впасть въ какую нибудь ересь, мы перестали бы читать и изучать самую нашу св. Библію?“⁸⁷⁾ И посему „возблагодаримъ Создателя, заключаль одну изъ проповѣдей Макаріей: Онъ требуетъ отъ насъ вѣры въ Себя, но Онъ же дароваль всѣ средства“ для убѣжденія, — „такъ что вѣра наша не есть вѣра слѣпая, темная, а разумная, свѣтлая, основательная“⁸⁸⁾, или, прибавимъ, по крайпей мѣрѣ она такой должна быть: это идеаль христіанина! Была ли нужда въ настаиваніи на этой мысли? Несомнѣнно была. Тотъ же арх. Феодоръ свидѣтельствуетъ (въ концѣ пятидесятихъ годовъ), что помышляли иные и такъ: „что намъ въ высшихъ и хитрыхъ мудрованіяхъ? Будемъ дорожить и спасаться простотою вѣры стараго русскаго племени“⁸⁹⁾, и авторъ вступаетъ въ полемику относительно вопроса о простотѣ, напоминая даже и то, что простота бываетъ хуже воровства! Но что это не выдуманное возраженіе (хотя мы не думаемъ, чтобы и все славянофильство думало такъ), это видно изъ того уже, что и позднѣе намъ властно проповѣдываль одинъ писатель, что русскій народъ нечего учить вѣрѣ: онъ все знаетъ и проч. (Достоевскій)⁹⁰⁾. И защита науки вообще, чтò видимъ въ проповѣдяхъ Макарія, съ перваго взгляда представляется, конечно, сраженіемъ съ тѣнями: вѣдь его проповѣди говорились не среди же какого нибудь первобытнаго общества. Между тѣмъ онъ говорилъ и о томъ, что христіанство и образованіе не исключаютъ взаимно другъ друга; касался и специально вопроса о наукахъ физическихъ, по общему мнѣнію имѣющихъ конечною цѣлю лишь низменныя стороны жизни человѣческой; но по Макарію это не такъ: природа учить

87) Ibid. стр. 683.

88) Ibid. стр. 369.

89) Указ. сочин. стр. 313.

90) Хорошъ отвѣтъ этому направленію относительно того, нужна ли намъ наука вообще, на что, какъ мы отчасти знаемъ, отвѣчалъ утвердительно и Макарій. Говорили: „намъ не нужно западнаго образованія“. „Но не знакомые съ западной наукой, умѣли ли бы мы открыть достойный къ намъ милости Божіей толкъ и смыслъ въ самой древнерусской жизни, которая по наружности шла среди такихъ беспорядковъ?“ Арх. Феодор., ibid. 316.

и боговѣдѣнію, и даже нравственнымъ обязанностямъ чело-
вѣка, и „христіане, говоритъ Макарій, хотя имѣютъ у
себя книгу сверхъестественнаго Откровенія, Библію, однако
же могутъ пользоваться и книгою природы“, и „гласъ Бо-
жій къ намъ, который мы слышимъ въ Библии, становится
для насъ еще яснѣе, осязательнѣе, еще разительнѣе, когда
мы прислушиваемся къ нему въ природѣ“⁹¹⁾). Но если
опять спросимъ себя: для современнаго общества была ли
настоятельная нужда доказывать эту, по видимому без-
спорную, истину о не-вредѣ науки?—то для отвѣта нужно
будетъ припомнить, что въ то время былъ проповѣдникъ
съ заслугами предъ церковной и богословской наукой, ко-
рорый однакоже въ семинарскихъ руководствахъ по исто-
сіи проповѣдничества отмѣчается какъ такой, „у котораго
слово о суетѣ земной, ничтожествѣ *наукъ* и искусствъ сдѣ-
лалось всегдашнюю любимую темою: онъ сводилъ свое слово
при всякомъ случаѣ на эту тему“,—при чемъ однажды
было даже утвержденіе, что ученые „не стараются узнать,
что они сами“.—Съ современностью, конечно, по природѣ
дѣла соединяется и мѣстность проповѣди, ибо проповѣд-
нику не должно упускать изъ виду, что содержаніе потребное въ
проповѣди для веселящихся городовъ совѣмъ не надобно
для голодающихъ деревень, хотя Евангеліе одно и для го-
родовъ и для деревень. Это выдерживается и у Макарія:
онъ не говоритъ о молоканахъ ранѣе, чѣмъ сдѣлался там-
бовскимъ епископомъ; объ образованіи ведетъ нарочитыя
рѣчи въ Харьковѣ, и даже первое его слово въ Харь-
ковѣ—на текстъ: горяя мудрствуйте, а не земная,—по-
тому что, говоритъ проповѣдникъ, Харьковъ есть „городъ,
откуда науки развиваютъ свой благодѣтельный свѣтъ на
всѣ области южнаго края“. Пребывая же въ Вильнѣ, онъ
далъ слѣдующій поучительный примѣръ различенія не только
временныхъ, но и особыхъ мѣстныхъ условій: говоря свою
первую проповѣдь предъ учрежденнымъ тамъ обществомъ
„ревнителей православія“, онъ принимаетъ во вниманіе
условія не только времени, но и города Вильны. Онъ сна-
чала говоритъ, что дорожить своею вѣрою и не ревновать

⁹¹⁾ Слова, стр. 680—682 и далѣе проповѣдникъ не скучаетъ привести
примѣры въ доказательство своей мысли.

о ней психологически не возможно: отсутствіе ревности есть индифферентизмъ, а послѣдній показываетъ, что вѣры нѣтъ. Но въ мѣстѣ произнесенія рѣчи нужно было имѣть въ виду и то, чтобы ревнители не обратились въ гонителей по праву сильнѣйшаго, и вотъ мы видимъ прибавку въ рѣчи къ ревнителямъ, прибавку къ чадамъ православія о томъ, что „не всякая ревность о православіи есть ревность истинная: иногда и ревность можетъ заблуждаться“. Мы не будемъ теперь вполне приводить это мѣсто изъ рѣчи Макарія. Скажемъ только, что, по Макарію, „истинная ревность бываетъ только тогда, когда вполне соответствуетъ тѣмъ высшимъ началамъ, изъ которыхъ истекаетъ она— началамъ христіанской истины и христіанской любви“⁹²).

Такимъ образомъ проповѣдничество Макарія было современно прежде всего потому, что говоря свои проповѣди по особымъ случаямъ и даже проповѣди рядовыя, онъ не чуждъ былъ мысли, какъ прикладной элементъ въ своей проповѣди, имѣть въ виду специально современные потребности мысли и жизни, и такимъ образомъ Θεодоръ Бухаревъ желалъ того, что въ извѣстной мѣрѣ было уже въ практикѣ русскаго проповѣдничества. При этомъ очевидно также, что если когда Макарій уже говорилъ что либо по нуждамъ современности, то дѣйствительно имѣлъ дѣло съ современностію, съ фактами, а не съ плодами воображенія. Но говоря по поводу современныхъ обстоятельствъ, проповѣднику часто не легко бываетъ удержаться въ равномъ разстояніи отъ двухъ крайностей: а) отъ вліяній на него самого господствующихъ воззрѣній, такъ что проповѣдникъ самъ является только эхомъ времени, вмѣсто того, чтобы руководить другихъ и б) на оборотъ—отъ преобладанія совершенно отрицательнаго отношенія ко всему, что дѣлается между живыми людьми. Что же въ этомъ отношеніи было съ Макаріемъ? Если мы теперь читаемъ въ проповѣдяхъ Макарія много такого, что повидимому было только какъ бы отголоскомъ времени; то это ни чуть не обозначаетъ, что у проповѣдника было стремленіе сообразоваться вѣку сему; тѣмъ менѣе въ Макаріѣ было элемента той современности, которая охарактеризована однимъ изъ нашихъ

⁹²) Слова вилен., стр. 39—40.

богослововъ, какъ угадываніе мыслей, которыя должны быть пріятны для людей господствующаго теченія. Макарій различаетъ во всякомъ современномъ явленіи то, одобреніе чего означало бы просто поддѣлываніе подъ вкусы вѣка и то, чему можно сочувствовать не смущаясь тѣмъ, что прежде думали иначе. Напримѣръ, онъ несомнѣнно сочувствуетъ реформамъ въ государственной и общественной жизни шестидесятихъ годовъ, и доказательствъ этому едва ли не безчисленное, можно сказать, множество, и что особенно важно—это сочувствіе онъ выражаетъ какъ бы *отъ лица церкви* ⁹³⁾. Уже въ 1857 году онъ говорилъ слѣдующее: „мы живемъ въ замѣчательную эпоху для нашего отечества: въ эпоху сознанія нашихъ недостатковъ и въ эпоху прекрасныхъ начинаній и усовершенствованій“ и, цитую за тѣмъ слова извѣстнаго манифеста 19 марта 1856 года, прибавляетъ: „все отозвалось на царственный призывъ: и голосъ отдѣльныхъ лицъ и *общественное мнѣніе*, мало по малу возникающее и образующееся, и отечественная словесность и наука и—*во главѣ всего православная церковь*: ибо кто же болѣе и можетъ сочувствовать всякому истинному улучшенію въ народѣ русскомъ, *какъ не она—мать наша, которая (и это замѣчательно, какъ черта воззрѣній Макарія)* для того и существуетъ на землѣ, чтобы вести какъ частныхъ людей, такъ и цѣлыя народы къ постоянному, нескончаемому усовершенствованію?“ ⁹⁴⁾ Разрѣшеніе крѣпостной зависимости онъ называетъ „однимъ изъ величайшихъ и благодѣлнѣйшихъ событій, когда либо совершавшихся въ землѣ русской“, предъ значеніемъ котораго „мысль изнемогаетъ, усиливаясь обнять его“ и потому онъ призываетъ „во имя чловѣчества, во имя христіанства“ отнестись къ факту съ радостію и, кого это касается, съ добросовѣстностію къ этимъ „нашимъ согражданамъ,

⁹³⁾ Конечно, выраженіе сочувствія фактамъ общественной жизни отъ лица церкви дѣло не совсѣмъ безопасное. Если въ 1828 году арх. Филаретъ Амфитеатровъ въ проповѣди въ Казани крѣпостное право трактовалъ какъ фактъ предустановленный: то мозиційныя привѣтствія отмѣненію этого не бросятъ ли тѣнь подозрѣнія, что церковная кафедра сообразуется вѣку сему?

⁹⁴⁾ Слова, стр. 299.

равнымъ намъ и по природѣ и по вѣрѣ“⁹⁵). Тоже сочувствіе преобразованію судебному, введенію суда *по совѣсти*, „которую одну справедливо можно назвать голосомъ Божиимъ въ насъ“; отъ этого суда онъ ожидаетъ укорененія въ обществѣ „той жизненной правды, которая составляетъ первую потребность въ обществѣ“. Тоже—и къ другимъ изъ важнѣйшихъ реформъ, напримѣръ—земству. Но что эти сочувствія не исходили только изъ желанія „быть современнымъ“ въ смыслѣ сообразованія вѣку тому, въ этомъ, кажется, можно убѣдиться на основаніи слѣдующаго. Прежде всего—можно было воздержаться отъ изъявленія восхищенія уже потому, что едва ли кто-либо обязывался *къ похваламъ* новымъ реформамъ: обязательно было повиновеніе. А въ не сочувствіи проповѣдникъ былъ бы даже не совсемъ одинокъ. Если, напримѣръ, писатель беллетристъ, не сочувствовавшій реформамъ, создастъ особый типъ полемики съ несочувственными ему явленіями и такимъ путемъ выражаетъ свое нерасположеніе къ современности⁹⁶); то и проповѣдника тѣмъ болѣе уже никто не вынуждалъ къ извѣстному настроенію, что для проповѣдей на подобные случаи есть безчисленное множество другихъ хорошихъ темъ. Причина сочувственнаго отношенія проповѣдника къ современности этого періода, по нашему мнѣнію, въ томъ, что многое изъ того, что онъ такъ сочувственно привѣтствовалъ въ своихъ проповѣдяхъ шестидесятыхъ годовъ, было какъ бы осуществленіемъ того, что выражалось въ тѣхъ прекрасныхъ параграфахъ его Догматики, съ мыслями которыхъ мы отчасти знакомы, и даже въ его проповѣдяхъ сороковыхъ годовъ. Это съ перваго взгляда представится просто невозможнымъ: какъ могло быть что либо касающееся общественныхъ вопросовъ, рѣшенныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, въ русской догматикѣ сороковыхъ годовъ? Но позволю себѣ напомнить: развѣ Макарій не приглашалъ еще тогда къ уваженію во всякомъ человѣкѣ его

⁹⁵) Ibid. стр. 480—481.

⁹⁶) Извѣстно, напримѣръ, что въ числѣ противниковъ великихъ реформъ былъ такой писатель, какъ Писемскій, увидавшій во всѣхъ реформахъ только „взбаламученное море“, и сдѣлавшій начало для особаго рода беллетристики—полемиической. См. его біографію при изданіи Сочиненій Стелловскаго.

человѣческой природы, человѣческаго достоинства? А вѣдь было бы уже очень большой натяжкой утверждать, что реформы шли къ умаленію этого достоинства! Поэтому, если опитъ Макаріи уже въ 1857 году, въ проповѣди о смиреніи, говорилъ, что „сознавать въ себѣ достоинство человѣческой природы и высокое достоинство христіанина, цѣнить свои таланты и способности, дорожить своимъ добрымъ именемъ: это не только позволительно христіанину, но есть даже его обязанность“⁹⁷⁾: то что же удивительнаго, если онъ пріивѣтствовалъ все, что совершенно было безспорно къ возвышенію достоинствъ человѣческой природы? Одинъ изъ проповѣдниковъ нашихъ уже въ словѣ на кончину Макаріи отмѣтилъ тотъ фактъ, что Макаріи не только радостно пріивѣтствовалъ въ своихъ проповѣдяхъ преобразования, но и „съ восторгомъ указывалъ въ нихъ *соотвѣтствіе требованіямъ Евангельской любви*“⁹⁸⁾. Намъ кажется, что это безусловно вѣрное замѣчаніе и объясняетъ его отношеніе къ реформамъ, а совсѣмъ не боязнь показаться несовременнымъ, если бы его слова сочувствія были менѣе пламенны. Онъ дѣйствительно утверждаетъ, что всѣ преобразования суть *плоды любви* къ людямъ Великаго Преобразователя, а къ этой идеѣ любви къ людямъ онъ ниталъ рѣшительную слабость. Да и кто осудить его за такую слабость?—Намъ замѣтять: если этотъ проповѣдническій восторгъ не былъ лишь преклоненіемъ предъ фактомъ дѣйствительно современнымъ, то почему голоса Макаріи не было слышно ранѣе, и только потомъ уже и онъ присоединилъ свой голосъ, на примѣръ, къ осужденію „прежнихъ нашихъ судовъ не доброй памяти?“⁹⁹⁾ Но на этотъ вопросъ можно попросить указать: гдѣ и когда Макаріи говорилъ что либо такое, на основаніи чего онъ могъ казаться столь же сочувствующимъ современности и тогда, когда „недобрая память“ была на лицо, подобно тому какъ позднѣе онъ сталъ сочувствовать исчезновенію этой памяти?—Далѣе. Свойство людей, которые ищутъ способовъ угадать преобладающую мысль, потомъ угадываютъ и отъ того

⁹⁷⁾ Слова, стр. 304.

⁹⁸⁾ Слово прот. П. А. Смирнова, въ Прав. Обозр. 1862, Іюнь—Іюль.

⁹⁹⁾ Слова москв., стр. 97.

дѣйствительно становятся современными, обыкновенно таково, что они легко впадаютъ въ преувеличенія при оцѣнкѣ того или другаго явленія ¹⁰⁰⁾. Но Макаріи, сочувствуя реформамъ, въ своихъ проповѣдяхъ предостерегалъ однако и отъ преувеличенныхъ ожиданій, что, разъ реформа совершена, все *eo ipso* придетъ въ наилучшее состояніе, и значить не о чемъ и думать болѣе, какъ только о реформахъ и реформахъ, нечего и дѣлать болѣе, какъ только восторгаться! Нѣтъ, есть еще нѣчто, чего никакими реформами достигнуть нельзя! Напримѣръ, въ одной изъ проповѣдей на новый годъ проповѣдникъ говорилъ (послѣ введенія въ предыдущемъ году судебной реформы) слѣдующее: „съ величайшимъ сочувствіемъ мы встрѣтили новый судъ, и это весьма естественно. Но одинъ судъ не сдѣластъ для насъ всего: судъ самый лучший можетъ только *обуздывать* неправду, а *искоренять* неправду въ нашей жизни общественной можемъ собственно мы сами“, а не какія либо реформы! И далѣе проповѣдникъ раскрываетъ мысль, что можетъ сдѣлать наша собственная правда въ словахъ, и правда въ дѣлахъ, заключая выводомъ, который онъ сдѣлалъ и въ другомъ случаѣ, именно: „когда искоренится неправда, тогда обновится и преобразится все не только въ насъ, но и вокругъ насъ“ ¹⁰¹⁾. При этомъ проповѣдникъ намекаетъ также, что пока правды этой еще нѣтъ: достиженіе ея составляетъ собою задачу, которую намъ еще предстоитъ разрѣшить.—Но обыкновенные панегиристы факта обыкновенно не омрачаютъ описываемой современности подобными намеками: они преданы ей бываютъ безпредѣльно. И это безпристрастное отношеніе къ современности, совершенное отсутствіе какого либо преклоненія предъ нею; допускаемаго лишь бы не составлять собою диссонанса съ вѣкомъ; у Макарія простиралось такъ далеко, что онъ, можно сказать, съ иной современностію совѣтъ не согласовался. Примѣръ этого, кажется, весьма типичный—въ одномъ изъ его на-

¹⁰⁰⁾ Это можно наблюдать, напримѣръ, на некоторыхъ фактахъ журналистики: въ шестидесятыхъ годахъ извѣстныя педагогическія теоріи Ушинскаго и другихъ превозносились въ органахъ духовной журналистики; двадцать пять лѣтъ спустя тѣ же почти органы этимъ теоріямъ стали приписывать причину всего школьнаго неустройства.

¹⁰¹⁾ Слова, *ibid.* 678—679.

ставленій игумену, — о томъ, чтобы новопоставленный не избыточествовать учредіемъ въ строительствѣ каменномъ, а болѣе усердствовалъ бы въ строительствѣ душевномъ.

Мы сказали, что проповѣдники, соприкасаясь въ проповѣди съ жизнью дѣйствительной, не всегда воздерживаются отъ самаго легкаго рѣшенія всѣхъ современныхъ вопросовъ жизни: суммарно отрицательнаго отношенія къ ней, иначе рѣшенія, которое выражается въ объявленіи ничтожества всего земнаго, потому что все въ мірѣ непрочно, худо, ненадежно и грѣховно. Это даетъ многимъ проповѣдямъ отгѣнокъ глубокаго пессимизма, но пессимизма въ учительномъ смыслѣ бесполезнаго уже потому, что за порогами храма жизненныхъ отношеній сейчасъ даютъ себя чувствовать, а совѣтъ *всѣмъ* удалиться отъ міра не можетъ быть осуществленъ, и потому, конечно, справедливо проповѣдниками и не подается. Какъ относится къ этому проповѣдничеству Макарія? По весьма распространенному мнѣнію о личности самого проповѣдника, мрачный пессимизмъ не только не составлялъ черты личнаго его характера, но не входилъ и въ его міросозерцаніе. „Истинный подвижникъ, онъ былъ необыкновенно отзывчивъ на всѣ явленія современной жизни въ родной странѣ, сочувствуя всему свѣтлому и истинно-человѣческому, скорбя и сокрушаясь въ виду мрачныхъ обнаруженій зла“, и „хотя еще съ юныхъ дней отрекся отъ міра, однако не былъ безучастенъ къ нему, живо и искренне сочувствуя горю и радостямъ дѣйствительной жизни“ (изъ слова священн. Н. А. Елеонскаго). Но дѣло въ томъ, что скорбя и сокрушаясь тамъ, гдѣ дѣйствительно должно было скорбѣть, онъ эти мрачныя обнаруженія зла не считалъ какъ бы мировымъ закономъ, по которому иначе ничто и не можетъ быть, и съ этой мыслью онъ относился ко всему и въ своихъ проповѣдяхъ. Пессимизмъ проповѣдническій обыкновенно прежде всего обнаруживается въ безоцѣдномъ осужденіи дѣйствительности, причемъ проповѣдники просматриваютъ и самыя отрадныя явленія жизни, отрадныя съ самой высшей точки зрѣнія. Макарій не былъ такимъ пессимистомъ. Какъ будто разъ на всегда, чтобы объ этомъ не было никакихъ сомнѣній, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ сказалъ буквально слѣдующее: „я не принадлежу, братіе, къ числу тѣхъ людей,

которые смотрятъ на настоящее время, какъ на самый мрачный періодъ въ мірѣ христіанскомъ, и говорятъ, будто никогда порча нравовъ не доходила до такой степени, до какой дошла нынѣ. Увы! и прежде всегда на грѣшной землѣ порокъ былъ сильнѣе добродѣтели, и даже въ лучшія времена христіанства нечестіе гордо подымало голову и являлось во всемъ своемъ безобразіи. Вѣрю и знаю по опыту, что и нынѣ есть, какъ бывали и прежде души христіанскія, которыя всѣми мѣрами стараются быть достойными своего званія¹⁰²⁾. Выходя изъ этого начала необходимости *сравнительной* оцѣнки нравственнаго состоянія общества, для чего надобно обращать вниманіе не на одно настоящее, онъ напимѣръ нравственное состояніе нашего общества считаетъ худшимъ не въ настоящемъ, но въ прошедшемъ, категорически утверждаетъ, что конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтія были временами наихудшаго нравственнаго состоянія русскаго общества. „Едва ли когда сыны Россіи до такой степеніи удалялись отъ Бога, какъ къ концу прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго столѣтія... И едва ли когда и разнузданность нравовъ у насъ достигла такихъ размѣровъ, въ какихъ проявлялась тогда“. Но онъ, конечно, и въ этомъ утвержденіи старается сохранить справедливость, не видя всетаки въ Россіи того времени какого то новаго Вавилона¹⁰³⁾. Это, конечно, не значить, чтобы проповѣдникъ былъ такъ склоненъ къ противоположному взгляду, чтобы уже не замѣчать тѣней жизни: такъ проповѣдь, въ которой онъ такъ опредѣленно высказался противъ пессимизма, имѣетъ своимъ главнымъ содержаниемъ указать, какъ нехорошо то исключительно утилитарное направленіе, которое стала было принимать наша наука шестидесятихъ годовъ. Онъ не отрицаетъ и того печальнаго факта, что, по его словамъ, въ „обществахъ человѣческихъ идетъ постоянная глухая борьба: то борьба партій, то борьба сословій, то—частныхъ лицъ; загляните въ святилища семействъ: увь, и въ этихъ святилищахъ большею частью (!) нѣтъ мира и счастья“¹⁰⁴⁾. Слѣдоват.

¹⁰²⁾ Ibid. 431.

¹⁰³⁾ Слова, стр. 538—539. Тоже стр. 620.

¹⁰⁴⁾ Ibid. 675.

есть о чемъ подумать, всякому моралисту! Но то коренное воззрѣнiе, покоившееся, какъ знаемъ, на догматическихъ основанiяхъ, именно, что не должно смущаться вспышками зла на землѣ и бояться за погибель добра, удерживало проповѣдника отъ того, отъ чего не могъ удержаться другой его современникъ, разумѣемъ преосв. Иоанна Соколова. Какъ извѣстно, послѣднiй въ началѣ шестидесятыхъ годовъ едва ли что признавалъ заслуживающимъ одобренiя изъ того, что стало входить въ общественный бытъ нашъ: и гласность, и печать, и свободу совѣсти, и общественное мнѣнiе, и видѣлъ въ этомъ однѣ дурныя стороны. Макарiй же, своимъ отношенiемъ къ этимъ предметамъ какъ будто бы ясно выразилъ, что изъ злоупотребленiя вещью не можетъ быть оуждаемо ея употребленiе вообще: припомнимъ его замѣчанiя о злоупотребленiи наукой. Поэтому Макарiй не позволялъ себѣ обращаться въ проповѣди съ грозными, чтобы не сказать гордыми словами, съ которыми обращался другой проповѣдникъ: „народъ! Помни Бога“— ибо Макарiй вѣрилъ, что народъ и не забывалъ и не забудетъ Бога, а это забвенiе будетъ только удѣломъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ группъ лицъ. И это отсутствие пессимизма чувствуется во всѣхъ проповѣдяхъ Макарiя до конца его дней, подобно тому какъ и въ личной жизни онъ не былъ пессимистомъ, показавъ на себѣ самомъ возможность—не только учить такъ или иначе, но и жить сообразно своему ученiю. Это, должно прибавить, тѣмъ болѣе достойно замѣчанiя, что „путь личной жизни его былъ путемъ тернистымъ: самыя высокiя и свѣтлыя дѣла его перетолковывались въ дурную сторону, поношенiя и всякiе злые глаголы никогда не оставляли его въ покоѣ“ (И. А. Елеонскiй); но очевидно на каедрѣ онъ свои личныя расположенiя оставлялъ въ сторонѣ, выдѣляя дѣла человѣческiя отъ человѣческой природы и вѣря въ добро, заложенное въ природу человѣка. „Мы любимъ добро по самой своей природѣ и желали бы творить его“, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: „но мы чувствуемъ, что у насъ не достаетъ для того духовныхъ силъ, и что для того, чтобы творить добро, мы должны постоянно бороться“¹⁰⁵).

¹⁰⁵) Слова вилен., стр. 88.

Стало быть: если должно вѣрить въ добро человѣческой природы, то задачей церковнаго учителя будетъ не стѣнать, а своимъ словомъ помогать творить добро, или, по выраженію того же истинно-христіанскаго писателя, о которомъ мы говорили (Феодоръ Бухаревъ), „не распугивать и безъ того уже бѣгущихъ отъ благочестія, какъ отъ страшилища для грѣшныхъ людей, а со всею проникательностію христіанской мудрости поискать, *нельзя ли изъ дѣлъ житейскихъ открыть источники къ движенію несмысленныхъ талантовъ въры и благодати*—именно чрезъ уясненіе мірскихъ вещей и чрезъ устроеніе земныхъ дѣлъ по Христу“¹⁰⁶): задача, конечно, болѣе достойная кафедры, чѣмъ простое сѣтованіе! — Но можетъ быть при этомъ кто нибудь сочтетъ себя въ правѣ подумать, что этотъ не пессимистъ проповѣдникъ просто есть тотъ латитудинаристъ нравственнаго закона, у котораго главное правило: „Богъ проститъ“, и который проповѣдывалъ не объ узкомъ, а о широкомъ пути въ царствіе небесное? вообще проповѣдникъ, такъ сказать, жизнерадостный? Да, Макарій былъ противъ отягченія пути ко спасенію; у него нѣтъ этого запугиванія слушателя, недостатка въ каковомъ свойствѣ, наоборотъ, не бываетъ у другихъ проповѣдниковъ. Такъ, говоря о самой высшей заповѣди — о любви ко врагамъ, онъ заботится о томъ, чтобы слушатели „не преувеличивали трудностей при исполненіи Христовой заповѣди“, и потому не считали ее данной пе имъ¹⁰⁷). Но въ этомъ отношеніи не должно ли будетъ признать, что во всѣ времена проповѣдники довольно говорили о трудности дѣла спасенія, и посему удивляться должно ли, если у одного изъ нихъ рѣчь, которая явственнѣе другихъ, оказалась уже рѣчью о *возможности* спасенія для всякаго? А отъ этого далеко еще до проповѣди беззаботности о своемъ спасеніи. Но что еще будетъ главнѣе въ этомъ вопросѣ, это взглядъ Макарія на жизнь человѣка, изъ каковаго взгляда не можетъ вытекать одобренія пессимизму, но въ то же время не можетъ вытекать и мысли, что спасеніе возможно безъ труда и усилій,—и что слѣдовательно Макарій какъ проповѣдникъ не можетъ

¹⁰⁶) О православіи, стр. 312.

¹⁰⁷) Слова, стр. 246.

быть причисленъ къ проповѣдникамъ того типа, которые послабляютъ нравственный законъ. — Что есть жизнь въ отношеніи къ самому живущему человѣку? „Жизнь и здорově“, по Макарію, „есть *первое благо* для каждаго человѣка, какъ для царя, такъ и для подданнаго“ ¹⁰⁸⁾. Богъ, сотворивъ насъ, „посылаетъ намъ несчетные дары для поддержания и услажденія нашей жизни“ ¹⁰⁹⁾. А если такъ, то законно и попеченіе о внѣшней жизни, законны и радости жизни. Законно *попеченіе*: потому что Богъ, сотворивъ насъ, поставилъ насъ въ извѣстные неизбѣжныя условія, при соблюденіи которыхъ только и возможна жизнь, на примѣръ, „продолженіе жизни прежде всего обуславливается отношеніемъ къ намъ внѣшней природы“, какъ то плодоносіемъ земли, требующей труда. Стало бытъ, пренебреженіе жизнью въ извѣстной мѣрѣ можетъ служить показаніемъ пренебреженія къ дару. Законны и *радости*: „если, говорилъ проповѣдникъ, вы когда нибудь усладили христіанскою любовію послѣднія минуты умирающаго, или спасли отъ смерти погибавшаго; если вы призрѣли и воспитали безпріютнаго сироту; обратили заблуждавшагося на путь истины и благочестія; если вы были въ состояніи заплатить врагу добромъ за зло; если принесли жертву обществу или цѣлому отечеству: тогда вы знаете, что такое „радости“ истинныя! ¹¹⁰⁾. Словомъ, что касается до источника радости, то это опредѣляется у Макарія тою же самою формулою, которая извѣстна, именно: радости въ жизни можетъ имѣть тотъ, кто самъ споспѣшествуетъ человѣческой жизни другаго. Но изъ этого видно, что и попеченіе о жизни, и радости жизни—это только средства и слѣдствія; средства же не должно обращать въ цѣль, слѣдствія можетъ и не быть въ желательномъ для насъ смыслѣ, а потому абсолютное начало жизни христіанина есть какъ не одна дѣятельность, направленная къ благополучію человѣческому, такъ равно и не одно созерцаніе безъ дѣятельности, а формула: „трудись и молись“—и при томъ то и другое не въ раздѣльности; *трудись*—„наблюдая пути Промысла въ

108) Слова, стр. 564.

109) Ibid. стр. 656.

110) Ibid. стр. 579:

своей жизни“ ¹¹¹⁾, не ради того только, чтобы трудиться по образу машины, ибо мы родились „не затѣмъ, чтобы жить, а и затѣмъ, чтобы дѣйствовать, чтобы исполнять наши обязанности“ ¹¹²⁾; *молись*, но молись не квізистически, а дѣятельно, такъ что въ одномъ мѣстѣ касательно этого Макарій выразился: „не молиться только мы должны, а и трудиться, если непритворно желаемъ самимъ себѣ и нашимъ ближнимъ просвѣщенія свѣтомъ Христовымъ“ ¹¹³⁾, — что и есть истинная жизнь на землѣ. Посему и радости жизни суть плодъ молитвы и труда, иначе — того же самага, чѣмъ содѣвается спасеніе. Но—молитву и трудъ можетъ ли кто признать средствомъ упирающимъ врата царствія, и человѣчество не идетъ ли менѣе охотно именно этимъ мнимо-широкимъ путемъ, и на оборотъ—не болѣе ли охотно иными, съ перваго взгляда кажушимися весьма узкими путями? И это гѣмъ болѣе не составляетъ латитудинаризма, что и Макарій въ путяхъ достиженія спасенія признаетъ относительно разныя степени ихъ достоинства, или, такъ сказать, вѣрности: разумѣется, конечно, то, что и онъ признаетъ различіе между исполнителями евангельскихъ заповѣдей и послѣдователями евангельскихъ совѣтовъ ¹¹⁴⁾. —Такимъ образомъ, если что показалось бы въ проповѣди Макарія отступающимъ не скажемъ отъ традиціи, но отъ довольно распространеннаго обычая, обычая—представлять какъ возможно чаще малонадежность ко спасенію путей обычной жизни съ ея большими трудами (не имѣющими при томъ весьма часто очевидной связи съ цѣлями спасенія) и съ малыми радостями, словомъ, если что можетъ казаться нравственнымъ послабленіемъ, это лишь открытое признаніе законности жизни большинства, а большинство обязуется заботиться и о временномъ тѣлесномъ благоустройствѣ. Это Макарій проповѣдывалъ при своемъ вступленіи на епископскую кафедру, объявивъ себя обязаннымъ „воспитывать людей въ вѣрѣ и благочестіи и такимъ образомъ устроить не одно вѣчное, но вмѣстѣ и временное ихъ счастье“ ¹¹⁵⁾. Но

¹¹¹⁾ Догмат. Богосл. II. стр. 219.

¹¹²⁾ Слова вилен. стр. 23.

¹¹³⁾ Ibid. стр. 60.

¹¹⁴⁾ Ibid. стр. 506.

¹¹⁵⁾ Ibid. стр. 174.

это—мысль и не совѣтъ даже новая, чтобы видѣть въ ней превознесеніе землянаго начала въ ущербъ духовному ¹¹⁶⁾, и послабленіе строгости нравственнаго закона.

Одной изъ выдающихся особенностей проповѣдничества Макарія является отношеніе проповѣдника къ такъ называемому полемическому элементу въ проповѣди, ибо здѣсь Макарій наиболѣе обнаруживаетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по своимъ духовнымъ расположеніямъ. Условимся прежде всего подъ именемъ полемики въ проповѣди разумѣть какъ опроверженіе мнѣній не согласныхъ съ истиной, такъ и защиту истины отъ нападеній на нее заблуждающихся, что чаще называется апологетикой: ибо въ сущности это какъ бы отрицательная и положительная задачи одного и того же дѣла.—Обычай опровергать мнѣнія ложныя съ церковной кафедры есть обычай *древній*, но и не чрезмѣрно древній: первохристіанская проповѣдь была скорѣе *увѣщаніемъ* ко всему святому, чѣмъ опроверженіемъ неправоты неправомыслящихъ и неправо-учащихъ. О введеніи полемическаго элемента не только въ проповѣдь, но и вообще въ область христіанской умственной жизни, въ ея обычаи, существовали прежде и продолжаютъ существовать не одинаковыя мнѣнія. Одинъ изъ древнихъ писателей церкви объ усиленной полемикѣ съ иномыслящими, о *жаждѣ* словесной побѣды во что бы то ни стало, выразился, что „*состязанія* приличествуютъ болѣе конямъ“, чѣмъ богословствующимъ людямъ. Златоустъ выражался съ перваго взгляда какъ будто даже совершенно парадоксально, именно, онъ говорилъ: „не возможно, чтобы состязающійся съ развращенными имѣлъ когда нибудь успѣхъ“. Митрополитъ Филаретъ въ новое время возставалъ противъ усилившейся полемики въ духовныхъ журналахъ, и между прочимъ былъ недоволенъ нашимъ академическимъ журналомъ за то, что, въ глазахъ Филарета, въ немъ

¹¹⁶⁾ Златоустъ говорилъ: Христосъ „не только исцѣлялъ тѣла, но врачевалъ и души, и опять отъ попеченія о душахъ переходитъ къ попеченію о тѣлахъ, разнообразя пользу и соединяя съ ученіемъ словеснымъ явленіе знаменій, и заграждая безстыдныя уста еретиковъ тѣмъ самымъ, что имѣлъ попеченіе о душѣ и вмѣстѣ тѣлѣ; и тѣмъ показывалъ, что Онъ есть виновникъ всецѣлой жизни. Потому-то Онъ и прилагалъ о тѣлѣ и душѣ большое попеченіе, врачуя то первое, то послѣднее“. Бесѣд. на Матѣ. ч. 1, стр. 266 р. пер.

отводилось слишкомъ много мѣста полемикѣ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ по этому поводу писалъ: „лучше ли соединенными силами отражать общихъ враговъ, которыхъ много, и взаимно покрывать терпѣніемъ наши частныя недостатки?“ ¹¹⁷⁾. Филаретъ находилъ, что въ ту эпоху усиленной полемики у насъ иногда „оскорблялось чувство приведеніемъ рѣчей антихристіанскихъ перетолкователей христіанства“. Но и въ этомъ вопросѣ у Филарета, какъ это и прежде, мы находимъ замѣчательнѣйшій тезисъ, дающій какъ бы мѣрило гомилетическое для оцѣнки проповѣдничества въ отношеніи къ вопросу о полемикѣ. Въ одномъ изъ словъ онъ говорилъ: „не охотно вхожу въ разсужденіе о предметѣ спорномъ. Знаю совѣтъ святаго Павла *не словопрѣтися ни на кую же потребу, на разореніе слышащихъ*. Но знаю и то, что сей мирный увѣщатель иногда самъ принужденъ былъ входить въ споръ, не на *разореніе*, но для назиданія слышащихъ, *когда видѣлъ, что молчаніе было бы хуже спора...* Желательно употреблять слово Господне преимущественно какъ свѣтильникъ для *путей познанія и для путей жизни*, какъ пищу для души: но не напрасно оно представляется и подъ образомъ меча духовнаго: *необходимо иногда употреблять его на разсѣченіе хитросплетеній, которыя угрожаютъ* опутывать души сѣтymi не апостольскими!“ ¹¹⁸⁾. Что же окажется, если это мѣрило приложить къ проповѣдничеству Макарія?

Мы уже замѣтили, что Макарій въ проповѣди не былъ склоненъ къ полемизированію. Уже и потому конечно, что „свойство сильныхъ умовъ есть терпимость“, отъ Макарія и вообще въ другихъ областяхъ умственнаго труда нельзя ожидать особой склонности, прямѣе сказать, той *любви* къ полемикѣ, съ которой любители этого дѣла отдаются ему. Справедливо замѣчаютъ, что люди высокой нравственности и истинной добродѣтели бываютъ людьми наиболѣе толерантными въ отношеніи къ недостаткамъ ближнихъ: они знаютъ, какъ труденъ путь добродѣтели, чтобы ступая по нему можно было поручиться, что не преткнешься. Такъ

¹¹⁷⁾ Письма къ А. В. Горскому, № 23.

¹¹⁸⁾ Слова: изд. 1848, II. стр. 97.

точно истинные люди науки — въ отношеніи къ мнѣніямъ другихъ, съ ихъ мнѣніями несогласнымъ: ибо они знаютъ, какъ трудно достается каждая крупина истины! Еще справедливѣе замѣчаніе о Макаріѣ, что онъ въ области умственной вообще не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые въ чужой попыткѣ мыслить о предметахъ науки видятъ (по своей гордынѣ) только „распущенное блужданіе мысли, не сдерживаемой надлежащей опекой, по темнымъ дебрямъ знанія“ и которые „готовы думать, что самая идея человѣческой жизни уже исчерпана въ своемъ развитіи и теперь родъ человѣческой существуетъ уже не въ силу божественнаго соизволенія, а только поущенія и долготерпѣнія со стороны Божественнаго милосердія“¹¹⁹). Развивать о Макаріѣ эту мысль болѣе значило бы повторять всѣмъ извѣстное. Но и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, основаніемъ толерантности Макарія въ области мнѣній служило его догматическое воззрѣніе, высказанное уже въ догматикѣ: *терпѣть другъ друга* онъ призывалъ во имя совершеннаго для всѣхъ людей искупленія. „Для всѣхъ насъ одни и тѣ же благодатные дары предлагаются въ таинствахъ: намъ ли не заботиться, чтобы терпѣть другъ друга?“¹²⁰). При такомъ взглядѣ Макарій, разумѣется, не могъ полемизировать въ томъ образцѣ, какой къ счастью болѣе и болѣе отходить въ область преданій: всякаго заблуждающагося считать или обманщикомъ или глупцомъ или явлюю добычею діавола. Ибо значило ли бы это уважать человѣческую природу въ челоуѣкѣ, къ чему призывалъ Макарій, когда въ самую основу сношеній съ ближними полагалось предположеніе его недобросовѣстности, — тогда какъ она еще недоказана? И могъ ли мыслить такъ Макарій, котораго отъ юности занимала мысль о томъ, что можетъ служить къ умягченію вины язычниковъ предъ судомъ вѣчной правды? „Откуда раздоры? говорилъ однажды Макарій: „преимущественно отъ гордости, отъ самолюбія, отъ эгоизма, по которому всякъ дорожитъ только самимъ собою.“ Если бы не эгоизмъ (конечно не только мнѣній, но и дѣйствій), то возможно было бы то, что „царство земное преобразилось бы

¹¹⁹) Прав. Обзор. 1882, Июнь-Юль, стр. 570.

¹²⁰) Догм. Богосл. III. 385. V. 63.

нѣкоторымъ образомъ въ царство небесное“: такъ разсуждалъ Макарій ¹²¹⁾. На почвѣ такихъ воззрѣній, повторяемъ, разумѣется, трудно образоваться любителю полемики.—Но обращаясь къ специальной области проповѣдничества нельзя не задаваться такимъ вопросомъ: уже ли же Макарій никогда не чувствовалъ того положенія, когда „молчаніе было бы хуже спора“, и это въ эпоху пробужденія мысли и значительной свободы слова, когда, какъ это было въ одно время, нужно было предъ судомъ доказывать, что книга, отрицающая существованіе души, есть книга вредная для общественной нравственности ¹²²⁾? И не можетъ ли такой проповѣдникъ подлежать справедливому упреку въ недостаткѣ ревности по истинѣ православія?— Въ отвѣтъ на это должно принять во вниманіе слѣдующее: особенную склонность къ полемикѣ имѣютъ тѣ проповѣдники, которые, во первыхъ, преувеличенно понимаютъ значеніе доктринальной стороны въ христіанствѣ, вслѣдствіе чего, разумѣется, не могутъ не смотрѣть на малѣйшія неточности въ вѣдѣніи какъ на величайшія опасности для дѣла спасенія: это совершеннѣйшая противоположность толстовскимъ старцамъ, отказывающимся *узнать* что либо; во вторыхъ, тѣ, кто не проводитъ надлежащаго разграниченія между истинами символической обязательности, внѣ признанія которыхъ нельзя быть и христіаниномъ, и истинами научными, — между истинами, дѣйствительно христіанскими и истинами безразлично-научными, составляющими сферу гуманитарную; и наконецъ—просто люди, по выраженію древняго богослова, „борзые на языкъ“. „Мы ловимъ грѣхи другъ друга (говорилъ о такихъ св. Григорій) не для того, чтобы уврачевать, но чтобы еще уязвить, и раны ближняго имѣть оправданіемъ собственныхъ недостатковъ. У насъ признакомъ добрыхъ и злыхъ—не жизнь, но дружба или несогласіе съ нами“. Макарій чуждъ былъ подобныхъ воззрѣній и это, разумѣется, дѣлало его проповѣдь не изобильной полемическимъ элементомъ; а что касается до ревности о православіи, то и на это онъ имѣлъ свои взгляды, изъ которыхъ опять не

¹²¹⁾ Слова, стр. 75.

¹²²⁾ Разумѣемъ извѣстное дѣло въ 60-хъ годахъ издателя сочиненій Вундта.

вытекало, что уселенная полемика и есть исключительно достовѣрное свидѣтельство о ревности, — и онъ не старался дѣйствительно о такомъ родѣ свидѣтельства. Къ сказанному должно прибавить и то, что Макарій, конечно, не могъ упускать изъ виду и самаго элементарнаго условія полемизированія: общности почвы, согласія полемизирующихъ между собою въ исходной точкѣ спора, наличности согласія въ основныхъ фактахъ. Уклоненіе отъ полемики при подобныхъ обстоятельствахъ, разумѣется, только очень близорукимъ людямъ покажется индифферентизмомъ, потворствомъ и т. п. Но не по недостатку же ревности Златоустъ считалъ излишней въ проповѣди полемику противъ отрицающихъ промыслъ. Онъ говорилъ, что „если противники скажутъ, что нѣтъ Бога, то мы не будемъ и отвѣчать (на ихъ возраженіе о промыслѣ): потому что какъ безумные, такъ и говорящіе, что нѣтъ Бога, не стоятъ отвѣта“. Иначе сказать, и по Златоусту полемика предполагаетъ обоюдное признаніе нѣкоторыхъ истинъ: нельзя полемизировать о промыслѣ съ безбожникомъ. — Что касается вопроса о значеніи доктрины, отношеніемъ къ которой много условливается и мѣра полемики въ проповѣди, то мы уже знаемъ, что, исходя изъ начала необходимости *познанія* для спасенія, Макарій утверждалъ однакоже, что „христіанство не есть только ученіе, но есть вмѣстѣ и *сила* и *жизнь*“; христіанинъ — тотъ, кто не только можетъ знать, „но можетъ дѣйствительно перерождаться, можетъ побѣждать всякую страсть, совершать всякое добро“¹²³⁾. Стало быть, проповѣдникъ еще не вполне исполняетъ свой долгъ, если забываясь о правильности познанія при этомъ будетъ считать дѣломъ для себя второстепеннымъ заботу о насажденіи христіански доброй жизни, а эта односторонняя забота объ истинѣ обыкновенно и создаетъ односторонне-полемическое направленіе въ проповѣди. Пусть хитросплетенія противниковъ распутаны: но что толку, если этимъ „совершеніе всякаго добра“ оставляется также въ области только знанія, хотя и правильнаго, что христіанинъ можетъ совершать добро? „Живая вѣра въ истину Христову, говорилъ Макарій, какъ содержитъ ее церковь, совершеннѣйшая хри-

¹²³⁾ Слова, стр. 601, а также стр. 632.

стіанская любовь—это только главные качества православныхъ христіанъ. Но нераздѣльно съ тѣмъ они должны украшаться и всѣми частнѣйшими нравственными совершенствами, какія заповѣдуетъ имъ Евангеліе“¹²⁴). При томъ, Макаріій указывалъ, что и предѣлы познанія, изъ за котораго можетъ возникать полемика, относительно не обширны. Макаріій говорилъ: „въ Библии изложены двоякаго рода истины: непостижимыя для насъ, *въ строгомъ смыслѣ истины вѣры*, относящіяся къ сверхъестественному порядку вещей, и истины постижимыя для нашего разума, тѣ самыя, которыя еще прежде были начертаны для насъ во всемъ мірозданіи“. Вслѣдствіе того, подобно Златоусту, и Макаріій, какъ мы отчасти объ этомъ упоминали, считая обычную проповѣдь *внутренней*, а не внѣшней церковной дѣятельностью, отрицаетъ самую возможность полемики по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ, составляющимъ область вѣры, область непостижимаго и недоказуемаго въ богословскомъ смыслѣ, по причинѣ отсутствія принудительной очевидности. „Для кого, скажите, говорилъ онъ во вступительной проповѣди къ московской паствѣ, можетъ имѣть смыслъ и силу проповѣдь Евангелія? Лишь для тѣхъ людей, которые дѣйствительно вѣруютъ въ бытіе Бога; а слухъ невѣровъ совершенно закрытъ для воспріятія евангельскаго ученія“¹²⁵). Стало быть онъ принципиально (и въ основательности этого едва ли можно сомнѣваться) изъ области предметовъ, могущихъ составлять вопросы полемики, изъемяетъ даже основные предметы христіанской доктрины, какъ предметы вѣры и какъ предметы миссіонерской внѣшней, а не внутренней проповѣди.—Но кромѣ области основныхъ предметовъ доктрины есть доктрина вѣроисповѣдная; а кромѣ недостаточности въ познаніи, недомыслія, бываетъ зломысліе. Ревновалъ ли, проще сказать, Макаріій о православіи и защищалъ ли его отъ враждебныхъ нападеній? Проповѣди Макаріія сами по себѣ, конечно, не есть тѣ безконфессіональныя проповѣди, типы которыхъ уже существуютъ на западѣ. У него имѣется цѣлая проповѣдь о православіи, любопытная именно въ отношеніи къ вопросу о полемикѣ.

¹²⁴) Слова вилен., стр. 9.

¹²⁵) Слова москов., стр. 3.

„Что такое православіе? спрашиваетъ Макарій. „Прежде всего чистѣйшая истина въ христіанствѣ“ и православный— „только тотъ, кто усвоилъ себѣ эту чистѣйшую истину Христову“. Поэтому Макарій признаетъ, такъ сказать, проблематическими православными тѣхъ прежде всего, которые почти *не знаютъ* православія: ибо какъ можно съ нихъ сказать, что они *усвоили* его себѣ?... За тѣмъ, „православіе—это совершеннѣйшая любовь въ христіанствѣ, нераздѣльная съ чистѣйшею истиною, та любовь, которая одна можетъ сообщать надлежащую цѣну и значеніе самой вѣрѣ нашей въ истину Христову“ (то есть. сообщаетъ цѣну самой доктринальной нашей правотѣ). „Значитъ (говоритъ Макарій) всѣ, желающіе достойно носить имя православныхъ, не только обязаны усвоить догматы православія, но обязаны вмѣстѣ всецѣло усвоить христіанскую любовь, *жить ею* и руководиться въ своей дѣятельности“. За тѣмъ, „православіе—это совершеннѣйшая правда въ христіанствѣ, какъ прямое слѣдствіе чистѣйшей истины и совершеннѣйшей любви. Истина всегда указываетъ и можетъ указывать одну правду, а любовь никогда не допустить насъ совершить никакой неправды“, — „правдою мы должны отличаться и въ дѣлахъ житейскихъ, а тѣмъ болѣе въ дѣлахъ высшаго порядка“. И наконецъ, говоритъ проповѣдникъ: „спросимъ еще разъ: что такое православіе? И дадимъ общій отвѣтъ: *православіе—то же самое, что истинное христіанство*, и, слѣдовательно, православные должны быть истинными христіанами“ ¹²⁶). Но теперь—чего же требуетъ такъ понимаемое православіе отъ ревнующаго о православіи? Одной ли защиты истины теоретической, или всѣ три момента, входящіе въ понятіе о православіи одинаково важны для существованія православія, и слѣдовательно представляютъ одинаковую важность для полемиста проповѣдника? Еще Златоустъ говорилъ: „то и ослабляетъ важность нашей вѣры, то и низвращаетъ все, что никто нисколько не думаетъ о жизни. Мы говоримъ, что Христосъ есть Богъ, предлагаемъ множество и другихъ догматовъ, между прочимъ и то, что Онъ заповѣдалъ всѣмъ жить праведно; но на самомъ дѣлѣ это—у немногихъ. Порочная жизнь уни-

¹²⁶) Слова вилен., стр. 2—9.

жаеть догматы о воскресеніи, о безсмертіи души, о судѣ“. Какъ это? „Душа, погрязшая въ порокахъ, старается изобрѣтать для себя такого рода утѣшенія, дабы не скорбѣть при мысли, что есть судъ и что насъ ожидаетъ воздаяніе за добро и зло“, то есть, невѣріе въ догматы бываетъ *слѣдствиемъ* порочной жизни, а не всегда *причиной* такой жизни, и что слѣдовательно забота пастырей о *жизни* до значительной степени является въ то же время попеченіемъ и о *доктринѣ*. Если теперь сравнить Макаріево опредѣленіе того, что такое православіе, съ приведеннымъ мѣстомъ Златоуста; то я думаю, что Макаріевская мысль должна быть признана тождественною съ Златоустовскою, именно, что въ дѣлѣ православія опасности для чистоты ученія исходятъ не отъ одного только теоретическаго заблужденія, а и отъ разрыва догмы отъ жизни! Но конечно, было бы странно, усматривать въ приведенномъ мѣстѣ ослабленіе важности превосходства вѣроисповѣднаго ученія православной церкви предъ прочими церквами: подъ именемъ чистѣйшей истины Макаріи разумѣть то, что доселѣ „соблюдаетъ во всей цѣлости и неповрежденности единая православная церковь“. Теперь: если православіе не составляетъ одной доктриной, и если отсутствіе личной правды и любви нельзя признать не нарушающимъ дѣйствительности пребыванія въ православіи, а скорѣе ведущимъ даже къ поврежденію и самаго ученія (Златоустъ, ср. ниже Филаретъ): то, ставъ на такую точку зрѣнія Макарія, мы не должны будемъ удивляться, что одна такъ назыв. конфессиональная полемика не составляетъ содержанія его проповѣдей; и что онъ призываетъ къ ниспроверженію противниковъ православія нѣсколькими иными способами, чѣмъ открытіе у противниковъ погрѣшностей историческихъ и логическихъ, вообще „уловленіе грѣховъ“ неправомыслящихъ! А это, скажемъ не обинуясь, опять сродно съ понятіями о томъ же предметѣ Златоуста. Безъ сомнѣнія, по Макарію, **убѣжденіе въ православіи требуетъ и обнаруженія ревности по православію: „что за православные, которые какъ бы стыдятся своего православія? или ставятъ его наравнѣ съ другими христіанскими исповѣданіями?“ Но ревнованіе не можетъ выражаться исключительно въ полемикѣ за чистоту доктрины. „Все, желающіе носить имя православныхъ,**

не только обязаны усвоить себѣ догматы православія, вѣровать въ нихъ и исповѣдывать ихъ, но обязаны всецѣло усвоить христіанскую любовь, жить ею и руководиться ею въ своей дѣятельности:“ вотъ совершеннѣйшее православіе. А это требуетъ слѣдующаго: „любите и *разномыслящихъ съ вами въ вѣрѣ*, во всемъ; на всѣ злословія отвѣчайте прощеніями, а особенно воздавайте молитвою къ Богу, да просвѣтитъ Господь умы“ *разномыслящихъ*. „Совершеннѣйшая любовь, всѣхъ обнимающая, все проникающая, есть лучшее украшеніе православнаго христіанина и *вѣрнѣйшее средство* для побѣды надъ всякою враждою... И чѣмъ болѣе вы будете отличатся любовью среди иновѣрцевъ, тѣмъ неотразимѣе она будетъ покорять ихъ сердца“. И такъ какъ второй признакъ православія есть, по Макарію, правда: то онъ указываетъ значеніе и этого признака въ вопросѣ о ревности по православію. Именно, ревность, сколь бы горяча она ни была, не должна нарушать требованій правды. „Ревнуйте объ истинѣ Христовой, о спасеніи ближнихъ; но помните, что православіе есть чистѣйшій свѣтъ и отнюдь не должно распространяться путями тьмы. Употребляйте для этого одни только *оружія сѣтлы*: наставленіе, вразумленіе, убѣжденіе, кротость, любовь, собственный примѣръ благочестивой жизни. Если другіе христіане держались иногда или и доселѣ держатся даже въ дѣлахъ вѣры мнѣнія, будто цѣль освящаетъ средства: такіе христіане для насъ не примѣръ“ (и онъ деликатно не поясняетъ, кто это такіе христіане!). Но ревность по вѣрѣ не только должна сообразоваться съ обязанностями по отношенію къ ближнему: она налагаетъ и на самихъ ревнителей особая обязанности. Какія же обязанности? *Собственное усовершеніе въ вѣрѣ*, и потому: „впередъ же и впередъ, съ Божіею помощію! Подвизайтесь неустанно добрымъ подвигомъ вѣры, возрастайте и укрѣпляйтесь болѣе и болѣе въ своемъ исповѣданіи“: вотъ послѣднее слово Макарія о ревности! А такая ревность не требуетъ непременно состязаній и полемики, хотя бы то и другое называлось и какънибудь иначе.

Приведенныя слова объ истинной христіанской ревности были сказаны при первомъ вступленіи въ Вильну въ 1869 году, и потомъ не много позднѣе повторены, и едва ли можно сказать что либо лучшее сообразно съ временемъ

и мѣстомъ проповѣди, и несомнѣнно самъ проповѣдникъ всегда былъ первымъ исполнителемъ своего ученія, въ этой проповѣди изложеннаго. Этотъ призывъ къ вѣроисповѣдной терпимости не былъ голосомъ одного Макарія: аналогическія, но болѣе рѣзко выраженные рѣчи, слышались нѣсколько и ранѣе. Напомнимъ, напримѣръ, того же духовнаго публициста, современника Макарія, съ которымъ мы встрѣчались, т. е. Ѳеодора Бухарева. И этотъ взывалъ къ православному обществу о томъ, что „для дѣла спасенія души не безопасно, если, ратуя противъ духовнаго язычества, пренебрежемъ духа челоуѣколюбія Христова, и будемъ словомъ нещаднаго осужденія поражать иногда и служащаго Божію дѣлу мира, какъ язычника, Пилата“. „Иной думаетъ и говоритъ, что онъ въ вѣрѣ твердъ, а посмотришь—онъ служитъ мерзости своего корыстолюбія или какой нибудь идеѣ, взятой совсѣмъ не отъ вѣры“¹²⁷⁾. Если такъ, то не потребна ли была въ отношеніи къ полемическому элементу проповѣдь именно такая и о томъ, какъ это мы видимъ у Макарія? И митр. Филаретъ также весьма рано напоминалъ русскому обществу, что „кто не имѣетъ челоуѣколюбія, тотъ не можетъ благонадежно увѣрять себя, что имѣетъ *чистую вѣру*“¹²⁸⁾. На то же распространенное мнѣніе, котораго касался и Макарій, что содержаніе чистой доктрины есть безспорное свидѣтельство чистой вѣры, и Филаретъ не очень снисходительно отвѣтилъ такъ: „скажетъ иной: какъ? Я вѣрую въ единосущную Троицу, въ Господа Іисуса, отвергаю всякое неправославное мудрованіе: *не сія ли есть чистая вѣра въ Бога*, каковы бы ни были мои отношенія къ людямъ?“ Филаретъ отвѣчалъ: „дѣтъ спора, что сія есть истинная вѣра въ существѣ своихъ догматовъ; но можетъ быть сомнѣніе, точно ли *ты* ее имѣешь и какъ имѣешь... Твоя вѣра въ мысляхъ, можетъ быть, еще только задатокъ, по которому надлежитъ получить сокровище, то есть *живую силу* вѣры. А какъ получить ее? *сердцемъ!* Но если ты усвоилъ вѣру сердцемъ: тогда ты возлюбишь всѣхъ челоуѣковъ любовью Христовою; изъ любви къ Пострадавицему будешь готовъ пострадать за искуплен-

¹²⁷⁾ О православіи, стр. 56—58.

¹²⁸⁾ Слова, изд. 1848. стр. 9.

ныхъ Его смертию, — кратко сказать: *по мѣртъ совершенства въ вѣрѣ будешь совершенъ въ челоуколюбіи!*“ Опять—идея, выдвигавшая наряду съ потребностью вѣроисповѣдной полемики и необходимость тѣхъ призывовъ, которые мы читаемъ въ проповѣдяхъ Макарія.

Макарій, какъ мы сказали, строго различалъ *ипуку* всякаго реда и въ томъ числѣ богословіе *отъ вѣры* въ собственномъ смыслѣ; ибо первая есть созданіе челоуческое, послѣдняя—созданіе Божіе,—и это опять служило основаніемъ того же, почему сфера вопросовъ полемики въ проповѣди у Макарія сокращалась. Мы знаемъ также, что у него есть намеки и на то, что полемизированіе въ нашихъ условіяхъ уже потому не можетъ быть усиленнымъ, что не мало людей, которые почти не знаютъ православія, и потому прежде чѣмъ заботиться объ оградѣ для пустаго мѣста не лучше ли позаботиться о засаженіи этого мѣста? А затѣмъ, полемическая ревность тогда дѣйствительно полезна вѣрѣ, когда она „прежде всего ревность разумная, просвѣщенная, которая знаетъ, въ чемъ состоитъ православіе, что въ немъ существенное и не существенное“¹²⁹⁾. Тѣмъ паче, разумѣется, это условіе приложимо къ вопросамъ лишь посредственно соприкасающимся съ вѣрою: полемизированіе здѣсь можетъ оказаться смѣшеніемъ разныхъ областей. На раздѣльности области научныхъ вопросовъ отъ области предметовъ вѣры Макарій весьма и настаивалъ. У него нѣтъ, на примѣръ, проповѣдей, полемизирующихъ противъ выводовъ естественно-историческихъ наукъ, съ болѣе или менѣе ясно выраженною враждебностію противъ легкомысленныхъ иногда по самому существу выводовъ ея, — и не только нѣтъ, но и не должно быть по его воззрѣнію. — Въ университетской проповѣди, на тему о томъ, что христіане могутъ пользоваться книгою природы, Макарій говорилъ въ заключеніе слѣдующее: „да не пугаетъ насъ мысль, которая не рѣдко повторяется особенно въ наши дни (1868 годъ), мысль, будто изученіе природы можетъ быть опаснымъ для нашей вѣры, и повести даже къ невѣрію и безбожію. Нѣтъ, книга природы никогда не станетъ въ противорѣчіе съ бібліею: потому что та и другая книга равно

¹²⁹⁾ Слова вилен., стр. 40.

отъ Бога! Удержимся обвинять *науку* естествознанія въ томъ, въ чемъ могутъ быть виновны только *люди*, занимающіеся ею, которые, то не выразумѣвъ достаточно какихъ либо явленій природы, то принимая однѣ свои догадки за непреложныя истины, могутъ иногда указывать на факты, будто бы не согласныя съ Откровеніемъ?¹³⁰⁾ Стало быть, будетъ ли дѣломъ производительнымъ полемизировать въ проповѣди, зачисляя недомысліе въ чуждой области за поврежденіе ученія вѣры. А между тѣмъ, какъ и безъ того у церковной каѳедры много дѣла! Если, по выраженію Макарія, наука „не въ состояніи *дать* вѣры и нравственности“: то, конечно, уже не заблужденія Дарвина и Геккеля и *отнимаютъ* то и другое: припомнимъ мнѣніе Златоуста о порядкѣ, въ которомъ слѣдуетъ порча въ человѣкѣ. — Раздѣльность областей науки и христіанства Макарій ставитъ даже почти главнымъ содержаніемъ одной изъ университетскихъ проповѣдей. „Не одно, а два величайшія блага даровалъ намъ Господь въ своей благодати — *равно необходимыя для насъ*: разумъ и Откровеніе, или *науку и христіанство*. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою особую цѣну, особое назначеніе, и одно не можетъ замѣнить другаго“. Но каѳедра церковная призвана, конечно, служить для идеи Откровенія, а не мирить двѣ раздѣльныя области, при томъ, конечно, не равноправныя: наука—всегда доступна заблужденію и измѣнчивости; Откровеніе—истинно и вѣчно. Это не можетъ не имѣть въ виду всякій проповѣдникъ, дѣйствительно желающій служить Слову Божию. Наука пособляетъ церковной каѳедрѣ разъяснить истины Божественнаго Откровенія, какъ намекнулъ объ этомъ Макарій въ другомъ мѣстѣ. Если же этой помощи нѣтъ, церковное учительство обойдется *своими* средствами; но „не требуйте отъ науки того, что выше ея силъ и средствъ“, а этого именно и требуютъ отъ науки, когда въ каждомъ ея фактѣ, въ каждомъ открытіи хотятъ видѣть элементъ воспособленія христіанству и, наоборотъ, полемизируютъ съ ней, если окажется, что воспособленія нѣтъ, или, лучше сказать, нѣтъ сейчасъ, а убѣжденнаго терпѣнія не заготовлено. — Свое непротивленіе входитъ съ полемикой всюду, во всѣ области,

¹³⁰⁾ Слова, стр. 683.

Макарій ясно выразилъ также въ своихъ взглядахъ на *предѣлы* христіанскаго самоотверженія. „Христіанинъ, говоритъ онъ, подчиняетъ свой умъ вѣрѣ Христовой, но отнюдь не подавляетъ его въ себѣ, и не отказывается отъ его самодѣятельности. *Подчиняетъ только въ истинахъ вѣры, открытыхъ Самимъ Богомъ* и относящихся къ міру невидимому, сверхчувственному, недоступному въ настоящей жизни для нашихъ наблюдений и изысканій. *А весь міръ вещественный*, вся окружающая насъ *природа и самъ человѣкъ* постоянно остаются предметами для самостоятельныхъ изслѣдованій христіанина“. „Словомъ, — повторяемъ уже приведенное замѣчаніе Макарія — христіанинъ отвергается не отъ ума своего, а отъ своеумія и суемудрія въ области вѣры“. И въ этомъ то обстоятельствѣ, что христіанство не стѣсняетъ человѣка въ предметахъ вѣдѣнія естественными силами, и требуетъ подчиненія только въ таинствахъ вѣры, Макарій видитъ причину, почему „наука и нынѣ никѣмъ не разрабатывается съ такою самостоятельностью и успѣхомъ, какъ христіанами“¹³¹⁾. — Этими положеніями какъ нельзя лучше объясняется и то, почему Макарій прежде всего старается просто *учить* и менѣе полемизировать, и то, почему по инымъ вопросамъ онъ все-таки допускаетъ полемику, равно какъ объясняется и самый способъ его полемизированія. Такъ онъ вступаетъ въ полемику по вопросу о томъ, можетъ ли наука въ области нравственной дать людямъ все то, что даетъ христіанство: дать абсолютные нравственные законы, быть утѣшительницею страждущаго человѣчества. Но онъ въ этой полемикѣ признаетъ, что и наука „весьма много дѣлаетъ для насъ къ устраненію бѣдствій“; онъ лишь отрицаетъ всемогущество, вседозволенность здѣсь науки, и доказываетъ, что абсолютные нравственные законы, истинное утѣшеніе доставляетъ только христіанство, и—вы чувствуете, что имѣете предъ собою добросовѣстнаго полемиста, уважающаго и въ противномъ мнѣніи то, что въ немъ есть истиннаго! Онъ полемизируетъ противъ обращенія науки исключительно къ ремесленнымъ, индустриальнымъ цѣлямъ, и въ этомъ онъ (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) является лишь провозвѣстни-

¹³¹⁾ Ibid. стр. 504—506.

комъ того, что потомъ заявлялось многими и обнаружилось даже поворотомъ въ самой наукѣ (разумѣемъ усилившіяся интересъ къ наукамъ философскимъ). Но въ то же время—ничего и говорить, что онъ не обвиняетъ въ этомъ самую науку, хотя образцы этого были въ проповѣдничествѣ—онъ признаетъ, что и приложенія науки къ потребностямъ живыхъ людей—дѣло желательное: тягости и нужды виѣшняго быта народа, „незавидное существованіе“ его, онъ ставитъ въ связь съ отсутствіемъ образованія въ народѣ, и потому признаетъ желательнымъ и изученіе наукъ, „которыя могутъ имѣть приложеніе въ нашемъ быту общественномъ и гражданскомъ“¹³²). Онъ цѣлую проповѣдь посвящаетъ критикѣ мнѣній о средствахъ къ искорененію неправды въ судахъ, и разбираетъ тѣ средства, отъ коихъ тогда (въ концѣ пятидесятихъ годовъ) ожидали уничтоженія этого, по выраженію проповѣдника, возросшаго „на почвѣ русской огромнѣйшаго дерева, покрывающаго своими вѣтвями многія и многія темныя дѣла“¹³³), то есть усиленіе просвѣщенія, гласность, улучшеніе содержанія судовъ. И вотъ защитникъ просвѣщенія, въ этой полемикѣ, имѣетъ добросовѣстность сознаться, что просвѣщеніе умственное не всегда гарантируетъ то, чтобы судіи „дѣйствовали чище тѣхъ, которые совсѣмъ не отвѣдывали высшаго образованія“. Гласность? Онъ признаетъ (какъ и всегда въ послѣдствіи признавалъ) значеніе гласности: но онъ справедливо признаетъ, что вѣдь все темное дѣлается не на показъ, не для того, чтобы быть предметомъ гласности. Этимъ примѣромъ мы хотимъ показать, что, признавая въ одномъ случаѣ справедливость во мнѣніи имъ не раздѣляемомъ, въ другомъ онъ не отказывается, когда того справедливость требуетъ, признать слабость и въ симпатичномъ ему предметѣ. Была распространена (вѣроятно и будетъ) мысль, что „сокровища, издерживаемыя на благолѣпіе храмовъ, лучше употреблять на благотѣянія ближнимъ, ибо Богъ не нуждается въ нашихъ храмахъ и во всѣхъ этихъ сокровищахъ“¹³⁴), и вотъ онъ самъ много любившій ближняго, и потому знающій свойства

¹³²) Слова, стр. 542. 544.

¹³³) Ibid. стр. 442.

¹³⁴) Ibid. стр. 520.

и выраженія этой любви, однако же полемизируетъ противъ этой мысли. Какъ? „Мы, дѣйствительно, имѣемъ право и должны употреблять земныя блага для удовлетворенія нашихъ собственныхъ человѣческихъ нуждъ“, говоритъ онъ и тѣмъ отличается отъ не малаго числа проповѣдниковъ. Но почему мы вспоминаемъ о нуждахъ ближнихъ только тогда, когда дѣло идетъ о храмахъ, а не тогда, когда дѣло идетъ „о роскошныхъ для себя одеждахъ, изысканныхъ яствахъ, великолѣпныхъ жилищахъ“? А здѣсь то какъ разъ и забываемъ, что „ближніе часто нуждаются въ самомъ необходимомъ?“ Вѣдь продавали церковное золото для выкупа плѣнныхъ и для помощи несчастнымъ тѣ, которые, пожалуй, и себя продали бы для той же цѣли, если бы только эта собственность могла имѣть какую либо цѣнность,—а не мы, вспоминающіе о бѣдныхъ тогда, когда намъ нельзя помянуть болѣе бѣдныхъ!—Говоря проповѣдь на освященіе храма въ мѣстности малоканской, онъ едва упоминаетъ о молоканахъ, и то обращаясь не къ нимъ, а къ православнымъ ¹³⁵). Какой бы, кажется, прекрасный случай заняться опроверженіемъ лжеученія молоканъ! Проповѣдь и дѣйствительно направлена противъ мнимодуховныхъ христіанъ, но только противъ ихъ ученія, а не противъ лицъ, людей заблуждающихся! Иначе, онъ опровергаетъ лжеученіе, оставляя какъ бы безъ вниманія лжеучителей. И такъ это согласно съ принципами Макарія: не сражаться съ *лицами*, безъ надежды даже быть выслушану ими (за ихъ отсутствіемъ), а опровергать *ученіе*, и въ то же время—научить присутствующаго, утѣшить смущающагося. Встрѣчаясь съ поводомъ коснуться заблужденія мнимостарообрядческаго, онъ, основатель научнаго изученія раскола, не настойчиво полемизируетъ противъ двоеперстія, но въ то же время чувствительно намекаетъ на „неразсудительность тѣхъ христіанъ, которые вовсе не начертываютъ на себѣ креста, а представляютъ движеніемъ руки какъ будто какую-то дѣтскую забаву“ ¹³⁶). Отъ чего же такъ? Думаемъ, объясненіе этому онъ самъ далъ въ другой проповѣди. Описывая скудость просвѣщенія среди только что освобожденнаго народа,

¹³⁵) Ibid. стр. 289.

¹³⁶) Ibid. стр. 220.

проповѣдникъ говоритъ: народъ вѣруетъ большею частію глубоко, непоколебимо вѣруетъ. „Вѣра подкрѣпляетъ эти милліоны людей, и научаетъ ихъ переносить мужественно всѣ тяжести и нужды ихъ существованія. Но и тутъ горе. По своей необразованности, и не умѣя искушать и различать духовъ, они легко увлекаются всякими лжеученіями и часто попадаютъ въ сѣти раскола, этого исчадія невѣжества, живущаго только невѣжествомъ. О, какъ же нужно умственное преобразование и обновленіе для всѣхъ этихъ темныхъ людей“! ¹³⁷⁾.—Стало быть, что же можно сдѣлать полемикой тамъ, гдѣ нуженъ „свѣтильникъ для путей познанія?“

Но не ошибочны ли были самыя основанія въ воззрѣніяхъ Макарія на полемику?—разумѣемъ, конечно, полемику въ примѣненіи къ проповѣди. Главными положеніями его теоріи въ данномъ отношеніи, конечно, были: менѣе сражаться въ проповѣди, и болѣе — учить, не смущаясь вражескими угрозами истребить вѣру на землѣ, и пребывая въ убѣжденіи, что отъ словопреній—мало приобрѣтаемъ, а если теряемъ вѣрующихъ, то не отъ того, что мало сражаемся, а отъ того именно, что недостаточно просвѣщаемся свѣтомъ ученія Христова! Но такое отношеніе Макарія къ полемикѣ мы должны признать истиннымъ уже потому, что и позднѣйшія наблюденія другихъ людей такого же положенія, наблюденія надъ религіознымъ состояніемъ христіанскаго общества приводятъ къ тѣмъ же выводамъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ одинъ изъ современныхъ намъ проповѣдниковъ объ отношеніи нападеній науки къ дѣйствительной вѣрѣ: „христіанству угрожаетъ опасность не столько отъ невѣрія научнаго, сколько отъ маловѣрія и невѣрія практическаго или дѣятельнаго, отъ распространенія нехристіанскихъ обычаевъ и отъ жизни христіанъ, противной Евангелію. Многіе, очень многіе изъ христіанъ нашего времени нуждаются въ томъ, чтобы въ сердцахъ ихъ глубже напечатлѣлись слова Спасителя: покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе!“ (Преосв. Сергій, архіепископъ Владимірскій). А если такъ, то не опроверженіе всѣхъ ересей составляетъ ближайшую задачу проповѣдничества, а нѣчто другое...

В. Кипарисовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).